ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

ТРИ РОДИНЫ

ПАРИЖ
1987

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"АЛЬБАТРОС"

Дорогой Женѣ — "тройственная" полномѣрная книга — украшенная (или скрашенная?) геніальной символической обложкой, — пусть она хотя бы на время отвлечетъ милую Женю отъ грустныхъ мыслей и "перебьетъ" одиночество.

Валерій Перелѣшинъ
23 Декабря 1987 года.
Ріо де Жанейро.

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

ТРИ РОДИНЫ

Десятая книга
стихотворений

ПАРИЖ
1987

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЬБАТРОС» ПАРИЖ

Настоящая книга отпечатана в количестве пятисот экземпляров, из которых двадцать пять экземпляров нумерованных и подписанных автором, в продажу не поступают

Обложка и марка издательства работы художника
Сергея Голлербаха

Tous droits de traductions, de reproduction et d'adaptation réservés pour tous pays, y compris l'URSS.

© by V.Pereleshin, 1987.
© Editions Albatros, 1987

Склад издания: M.René Guerra
37, rue du Fort. 92130 Issy-les-Moulineaux
FRANCE

ОТ АВТОРА

Печататься я начал четырнадцатилетним подростком. В 1932 году «дорос» до единственного в Харбине литературно-художественного журнала «Рубеж», в котором печатался вплоть до его закрытия в августе 1945 года.

Первую книгу — «В пути» — издал в 1937 году — ровно полвека тому назад. За нею последовали «Добрый улей» (1939), «Звезда над морем» (1941) и «Жертва» (1944). Упомяну здесь и свой первый перевод (с английского, 1940 г.), изданный отдельной книжкой, — С.Т.Колриджа «Сказание Старого Моряка». Все эти издания давно стали библиографической редкостью.

До 1939 года жил я в Харбине, затем в Пекине, в Шанхае и в Тяньцзине, а с января 1953 года живу в Бразилии. После длительного перерыва потянуло меня в 1967 году «вернуться в литературу». С того времени были изданы «Южный Дом» (1968), «Качель» (1971), «Заповедник» (1972), «С горы Нево» (1975) и «Ариэль» (1976), а также две книги переводов с китайского — «Стихи на веере» (1970) и «Ли Сао» Цюй Юаня (1975), с португальского — «Южный Крест» (1977), по-португальски — «В ветхих мехах» (1983). В июле 1986 г. в Рио-де-Жанейро вышли по-португальски «Александрийские песни» М.Кузмина, переведенные Валерием Перелешиным и Умберто Маркес Пассосом. Предлагаемая книга «Три родины» содержит избранные стихотворения из разошедшихся книг и новую — десятую — книгу, в которой преобладает тема Бразилии.

В 1983, 1985 и 1986 годах тремя изданиями вышли избранные стихотворения в переводе на голландский язык под заглавием «Vanuit de verte» («Издалека»). Перевод сделан д-ром Яном Паулом Хинрихсом.

РОК

Все рассчитано, взвешено, сжато:
Неусыпно тебя берегут
Календарные верные даты,
Расписанья часов и минут.

Пароходиком, втиснутым в шлюзы,
Ты вдоль жизни судьбою несом,
Но под голос то ветра, то музы
Ты тоскуешь совсем об ином.

Ах, ты жаждешь концы перепутать,
Обмануть календарную власть,
Отступить, ошибиться в минутах,
Опоздать, оступиться, упасть.

Чтоб тотчас же совсем по-иному
Закружил в опрокинутый век
На планете, еще не знакомой,
Не знакомый себе человек.

Нет, забудь об обрывах и скатах!
Ведь, уж издавна так повелось:
У таких безупречных вожатых
Не летят поезда под откос.

Грохотал ли ты, выл ли под голос
Обезумевших вьюг или муз,
Изнывала душа иль боролась, —
Всё равно, запирается шлюз.

Исходи же бессмысленным плачем:
Все мы движемся, как поезда,
И ни с кем не бывало иначе,
И не будет ни с кем никогда.

Прошагаешь и ты, как бывало,
В ту страну, где поглотят твой век
Малолюдные белые залы
Академий и библиотек,

Где холодные мертвые славы,
Расселившись в просторных углах,
Добродетельно и величаво
В металлических стынут венках.

Ах, от мысли, что всё неуклонно, —
Мы как пленники, мир как тюрьма —
Короли оставляли короны
И Кассандра сходила с ума!

31 октября 1932 г. («В пути»)

ЛЕТО

Земля безветренной жарой
Весеннюю простуду лечит,
И солнце, в ступе золотой
Стремящееся ей навстречу,
Висит над самой головой,
Над выжженными облаками,
И тает твердь за их крылами,
Лазурный плавится базальт...
Внизу под теми же лучами
Дымится стоптанный асфальт,
Внизу по площади соборной
Ты — с кожей темной на плечах
И на руках почти что черной,
Под зонтиком огнеупорным
В пунцово-выцветших цветах
Проходишь зорко и задорно,
И нежится в твоих глазах
Июльский зной изнеможенный
И так колышется, плененный
В безостановочных шелках,
И каждое твое движенье
И каждый мимолетный жест
Так помнят о грехопаденьи,
Что даже голуби в смущеньи
Взлетают на соборный крест.

20 мая 1934 г. («В пути»).

К ЛЮСЬЕНУ ЛЕТИНУА

У мальчиков смуглей бывает кожа,
У бронзовых гаменов деревенских,
А Вы скорей на девушку похожи,
Печальницу вечерних чащ арденнских,
Избранницу друидов и теней.

А пальцы рук! И Вы умели ими
Надавливать на рукоятку плуга, —
Такими вот руками золотыми,
Достойными восторга и недуга,
Молитв и слез, проклятий и перстней!

Вы помните колокола Ретеля,
Учителя, как фавн или силен,
Косматого? Вы помните, Люсьен,
Как Вы пред ним смущались и робели
У ног его — у царственных колен?

Вы помните?.. Но, если не истлели
Вы до конца, то незачем стараться
Напоминать: надменно искривятся
Безусые уста немым презреньем

К суду людей оглядчивого мира,
Не знающим, что нечему меняться
С тех пор, когда божественная лира
Отмучилась рыданьями над Вами
И отошла в торжественность молчанья.

Ведь, искорки заразного дыханья
Ловил у Вас и втягивал губами
Священными и грешными — Верлен,
Чтоб из его гортани, будто горном
Раздутое, оно гремело — Ваше
Предсмертное — глухим обвалом горным,
А догремев, и Вам звенело краше,
Победнее и чистой, и греховной
Земной любви, как ветер баснословный
Среди листвы задумчивых Арденн.

4 сентября 1934 г. («В пути»)

* * *

Под шляпы — от света,
В подушки — от шума,
От ветра и ночи —
Под воротники.

Уходим, как в Лету,
Уходим угрюмо,
Чудим и бормочем
И пишем стихи.

1 декабря 1934 г. («В пути»)

ГАЛЛИПОЛИЙЦЫ

По трапу медленно всходили,
Последний завершая путь,
И горсточку заветной пыли
Украдкой прятали на грудь.

Ни пестрых бантиков в петлицах,
Ни белизны прощальных роз.
Ведь те, кто плачут на границах, —
Те плачут кровью вместо слез.

Платочки не благоухают
Провинциальным цветником,
Т а к и е слезы вытирают
Армейским грязным рукавом

И, отвернувшись без оглядки,
И обратясь лицом на юг,
Галлиполийской лихорадки
Дыханье ощущают вдруг.

С тех пор сердца бесславно тлеют
По всем краям чужой земли,
С тех пор униженно дряхлеют
В Бизерте наши корабли.

С тех пор натуги и усилья
И жалкие цветы наград,
А мы, как мельничные крылья,
Всё возвращаемся назад, —

К далеким дням борьбы и страха,
И слышим дым пороховой,
Склонясь над горсточкою праха
Уже седою головой.

24 марта 1935 г. («В пути»)

СТРЕКОЗЫ

Склонясь к широкоплечей даме,
В эстраду пальцем ткнет толстяк,
Эстрада изойдет огнями,
Насторожится полумрак.

И, в море раздробясь паркетном,
В зрачках и винном хрустале,
Взойдут над миром кабаретным
Стрекозы, верные земле.

И, взвешивая тельца эти —
Сквозь винное стекло подчас —
Раскинет гибельные сети
Голодный мир зеркал и глаз.

Но вот, в сияньи лиловатом
Внезапно опадут крыла,
Займутся стройным акробатом
Зрачки, хрусталь и зеркала.

И для плясуний миг свершенья
Наступит: весь цветник живой
Слетит покорно с возвышенья
В зал пристальный и роковой.

А к утру, сглатывая слезы, —
Того ли каждая ждала? —
Все легкокрылые стрекозы
Сломают легкие крыла.

И день, поднявшийся без спроса,
Застигнет в верхних этажах
Печаль поверженных причесок
И стертой краски на губах.

18 октября 1935 г. («В пути»)

ARS LONGA

Брезгливая отдернется рука,
Когда, уют нарушив паутинный,
Ты в хронике невозмутимо-чинной
На книжного наткнешься червяка.

Как будто бы намек издалека,
Поймешь и ты, что, верно, век свой длинный
Ты проведешь над мудростью старинной,
Запрятанной в минувшие века.

Поникнешь ты в раздумьи, неподвижный,
И вновь червяк за свой возьмется труд,
Отложенный на несколько минут.

Без гордости, о завсегдатай книжный,
Взгляни в глаза смешной свой судьбе:
Столетия довольно ли тебе?

30 ноября 1935 г. («В пути»)

ИЗБРАНИЕ

Последний раз нечитанным уснет
Старинный том о подвигах Франциска
Ассизского: святой Охотник близко,
Не избежишь и ты его тенет!

Забудет паж весенней крови гнет,
В печи сгорит любовная записка,
Оттолкнута, проплачет одалиска
Ненужная три ночи напролет.

И между снов рукой благоуханной
К тебе Ловец протянет крест нежданный,
Чтоб кипарис, вонзившись острием,

Застрял в ребре надломленном твоем
И чтобы ты, святого пленник новый,
С улыбкою надел венец терновый:

8 января 1935 г. («В пути»)

ЭЛЕГИЯ

Ветер торопит на юг; высыхают прощальные слезы,
Миг, — и подымет матрос якорь тяжелый со дна.
Снятся уже парусам золотые просторы,
Волны уже о корму пенные чешут хребты.
Будешь ты слушать теперь нереид и веселых
тритонов,
Будешь следить, как вдали тонет в волнах Фаэтон.
Кто же, о кто же другой повторит вас, античные
ритмы,
Снежным седым небесам милой суровой страны?

11 января 1936 г. («В пути»)

РАССВЕТ

Ночь становилась всё слабей,
Изнемогая от бессилья,
И хлопали вдогонку ей
Уже проснувшиеся крылья.

Так дневный и ночной язык —
Безмолвие и птичьи крики —
Встречались на короткий миг
В час предрассветный и двуликий.

Обманное звено плелось:
Срастись мучительно хотело
То, что еще не родилось,
С тем, что еще не перетлело.

Мы скоро поняли, что нет
Меж нас и этой цепи ложной,
Затем, что призрачный рассвет
Сковал нас дружбой невозможной.

Затем, что этот час был глух,
Как безучастное пространство,
Как тот, при ком я бредил вслух
О сладких узах постоянства.

8 марта 1936 г. («В пути»)

РАЗГОВОР

— «Прекрасная, где Вы, там гаснет Время:
Не потому ль, почти ребенок, я
Уже могу принять на сердце бремя
Недетского восторга и огня?»

— «Итак, я хороша была когда-то,
И мне не лгут поклонники мои?
Но не у дядюшки ли вы аббата
Учились красноречию любви?»

— «Нет, дядюшка весь в требнике истертом
И Цицероне, — разве сладишь с ним?
За жаром сердца я спускаюсь к мертвым,
Чтоб женщинам дарить его живым».

— За дерзость нынче дядя вас накажет,
Хоть вы достойны всяческих наград».
Нинон смеется, — ах, она всё та же,
Как десять лет, как двадцать лет назад.

А в кресле вычурном, в сутане серой
Священник улыбается светло
На этот щебет отрока Вольтера
У ног стареющей Нинон Ланкло.

29 июня 1936 г. («В пути»)

«ЗАЩИТА ЛУЖИНА»

Моей матери

С каждым днем тебя всё туже, туже
Обступают битые поля,
Но еще ты борешься, как Лужин,
Белого спасая короля.

Пусть еще роскошествует лето
И цветут пленительные сны, —
Но тебя к диагонали Леты
Оттесняют черные слоны.

Голубое защитит ли платье?
Ах, едва ль! Всё ближе дно реки:
Нынче не язвительный Турати
Тесные подстроил тупики, —

Разве у него в резерве старость
И усталость, чтоб не помогли
Ни любовь, ни запоздалый парус
Преданной и гибнущей ладьи?

Пешки облепили, как пиявки,
Как шмели, коню язвят бока,
И последние сметает ставки
Вражья ненасытная рука.

Женщина с ладьей утонут вместе,
И тогда, в отместку и на зло,
Наверху, над улицей предместья
Зазвенит разбитое стекло.

4 августа 1936 г. («В пути»)

НАСТАВЛЕНИЕ

Это начало, поверь мне! Если
Нежные руки, — пара рук
Снилась тебе, то еще чудесней
Станут соблазны твои, мой друг!

Черные, мы побеждаем время,
Смиренные, вечность узрим мы;
Мальчик, расстанься же с ними — с теми,
Кто посещает тебя из тьмы.

С торной дороги без размышленья
Прочь — и узкой взыщи межи,
Затем, что любовь — начало тленья,
И голос плоти — голос лжи.

Наша торжественная стая
Дружно помолится за тебя,
Чтобы не пала душа простая
И целомудренная твоя.

Так от земной во имя небесной
Любви мы станем тебя беречь
В этой лазурности бестелесной,
С детской немужественностью плеч.

Да, но какие еще виденья,
Какие зовы! Узнаешь ты
Сладостнейшие прикосновенья
Чьи-то и вздохи из темноты.

И если — мы ведь помним и сами
Тяжесть в беснующейся крови —
И ты темнеющими глазами
Помолишься женщине о любви, —

Горе тебе тогда! Вовеки
Будет огонь и только огонь,
И будет жечь глаза сквозь веки
Когда-то приснившаяся ладонь!

31 октября 1936 г. («В пути»)

НОЧНОЕ

Ты Сам же мне поведал, Боже,
Что не для всех Твой путь открыт,
Что всё вместить не всякий может
И лишь могущий да вместит.

Так не зови же к невозможным
Пределам: Твой неверный раб
Привержен к мудрствованьям ложным,
Бессилен телом, духом слаб.

И для того ль, подобно узам,
Ты на него низринул Сам
Мучительную нежность к музам
И запыленным письменам?

Пускай же он со дна колодца
Не видит света Твоего,
Пускай живет он, как живется
Счастливым сверстникам его.

Пускай его среди бессониц
Волнуют только страсть и грусть,
Призывы же церквей и звонниц
Его не искушают пусть.

Позволь, позволь ему в любовном
Жару нзникнуть — и опять
Неутоленным, полнокровным
И нерастраченным восстать!

Ей, Боже, к терниям и чаше
Сих нерадивых не зови:
Пускай они шумят и пляшут
И сонно бредят о любви.

Но нет: затем ли столько знаков
И столько знамений в судьбе
Моей, чтоб ночью, как Иаков,
Я воспротивился Тебе?

Нет! Стань же эта ночь залогом
И будь свидетелем, рассвет,
Что блудный сын, боримый Богом,
Приемлет ангельский обет.

14 ноября 1936 г. («В пути»)

ПРОЩАНИЕ С МУЗОЙ

Владеет мной не демон своеволий,
Не Асмодей, не баснословный змий:
Бесам ли замирать от сладкой боли
Под рокот византийских литургий?

Итак, не плачь, обманутая муза,
Язычница прекрасная моя,
Что для иного, горнего союза
Тебе впервые изменяю я.

Ты хочешь следовать за мной — служанкой,
Не повелительницей, не сестрой?
Тебя за мной не пустят, чужестранку
В плаще и с непокрытой головой.

Итак, вздохнем о нерожденной книге
И распростимся у парнасских чащ,
Чтоб одному носить свои вериги,
Другой же — древний простодушный плащ.

Не плачь же! Если снова нрав лукавый
Тебя сведет со мной — на краткий миг,
Быть может, вновь земной забредит славой
Великолепный ангельский язык.

Конец мая 1937 г. («Добрый улей»)

ЛОВЕЦ

Блажен ты будешь в час вечерний,
Когда в молитве, наконец,
Увидишь над венком из терний
Другой, нечаянный венец.

Благословенная награда!
Ты до могилы будешь рад
Цветам из ангельского сада
Взамен и санов, и наград.

Но нет: как мудрые, как дети,
Быть может, помнящие рай,
Всё ценное, что есть на свете,
Ты за бесценное отдай!

Пророка жребий величавый
Тебе не дорог: ты спешишь
Сменить трагическую славу
На имя ловческое лишь.

При море жизненном ты ходишь
Близ омутов страстей, измен,
И в незнакомый мир возводишь
Сердца, уловленные в плен.

И вот, опрастывая мрежи,
Ты улыбнешься, как дитя,
На голых скалах побережий
Живую душу обретя.

5 апреля 1938 г. («Добрый улей»)

БЕССМЕРТИЕ

Ты помнишь, как случилось это:
Замедленно вздохнула грудь,
И вдруг застыла, перегрета,
Неусыпающая ртуть.

Еще ты помнишь вихорь темный,
Когда, утратив счет и вес,
Ты разом выпал в мир огромный
Фламмарионовых чудес.

Над мертвым молится игумен,
Покой и жизнь сулит ему,
Но только мне премудрый Lumen
Раскроет тайну одному.

Ты оживешь свечей трехглавой
На черных скалах, в теплой мгле,
Уже без сладостной отравы
Страстей, забытых на земле.

Там будут существа другие
Дышать и видеть сны вокруг —
Не о душе, не о России,
Не о любви земных подруг.

Нет, где-нибудь на Орионе
Вновь возвращенный бытию,
Ты в густолиственной короне
Узнаешь голову свою.

Ах, знаю: благосклонным древом
Среди безветренных полей
Там будешь ты к деревьям-девам
Тянуться дланями ветвей.

Но, может быть, вдогонку свету
Склоня вечерние цветы,
Ты вспомнишь бедную планету,
Где человеком плакал ты.

19 сентября 1937 г. («Добрый улей»)

НАД ГРОБОМ

У архангела смерти легки стопы,
Он — как бич, как ночь, как судьба,
И опять жужжанье чужой толпы
Вкруг обтянутых щек и лба.

И опять на новых похоронах,
Извиваясь, как скользкий змей,
Несказанный страх, баснословный страх
Разъедает сердца людей.

И псалом течет, и растет испуг, —
Чернотой на каждом лице.
Столько юных тел, столько белых рук
Возвратится в землю в конце!

Столько быстрых ног, столько зорких глаз,
Нежных губ и высоких плеч...
Говорят, что тех, кто ушел от нас,
Принял благостный ангел встреч.

И утешил их милосердный Бог
В беспечальных Своих местах,
Где они пребывают, как пар, как вздох, —
Уверяет старик-монах.

Оттого у монаха везде кресты
И скелет посреди жилья,
И под ним: «Не забудь, что я был, как ты,
И ты будешь таким, как я».

25 мая 1938 г. («Добрый улей»)

ПРИЗВАНИЕ

В день, когда я пошел к вершине
По камням, по ущельям тесным, —
Я увидел свет невечерний.

Он остался со мной поныне:
Он сияет над древом крестным
И над бедным венком из терний.

Будто белые оперенья
Или пчелы огромным роем —
Не фаворский ли свет блаженный?

И ликуя из отдаленья
Трубным говором, струнным строем
Долетает призыв нетленный:

«Только голосу правды следуй,
Клевету и хвалы людские
Равнодушьем встречай геройским;

Одинаково проповедуй
Повелителям Самарии
И простым пастухам фекойским...»

22 июня 1938 г. («Добрый улей»)

СМЕРТЬ ПОЭТА

«Как никогда зима не станет летом, —
Мои друзья мне часто говорят, —
Так и поэт останется поэтом,
И маскарадом — бедный маскарад».

Да, мир таков, что никакому чуду
Там места нет, где правят вес и счет,
Но все ж я прежним никогда не буду,
И я не тот, совсем уже не тот!

Где меткость глаза — разве возвратится?
И слуху не хватает остроты.
На ветках прозаические птицы,
В садах — простые поздние цветы.

Всё ясно здесь: начало и развязка,
Небесная механика одна.
Так с мира романтическая маска
Уничижительно совлечена.

Порой — сквозь сон — живой и животворный
Сияет день, круглятся облака,
Но наяву в рукав одежды черной,
Как в цепь, закована моя рука.

О, этот мир без грома лир, без грустной
Истомы флейт, — простой, как колыбель!
И, робкий псалмопевец неискусный,
Берусь и я за чужую свирель.

14 августа 1938 г. («Добрый улей»)

МОЯ МЕЧТА

Вчера я промечтал почти до света
О том, чтоб день, когда житейский груз
Падет иавек с блаженных плеч поэта,
Напомнил день паденья Сиракуз.

Вступает в город грозный победитель,
Квадригу кони яростные мчат;
Бегут за ней и равнодушный житель,
И изменивший знамени солдат.

Рукоплеща, все рвутся за квадригой,
И только с милой музою вдвоем
Поэт над недописанное книгой
Дрожит, как Архимед над чертежом.

Уж ангел смерти, варвар простодушный,
Разбивший много нежных арф и лир,
Обоих нас, Пославшему послушный,
Торопит в свой гиперборейский мир.

Дорогу приходящему на смену!
И вот, меча молниесный взлет, —
И мужественных рук удар мгновенный
Жизнь увенчает — песню оборвет.

18 ноября 1938 г. («Звезда над морем»)

УТЕШЕНИЕ

Мы тщетно ищем покоя
Иль бьемся — те, кто бесстрашней —
И правим в край незнакомый,
Сокрытый Морем Измены.

О море, море морское,
Что плещет в гордые башни
И в наши бедные домы,
И в монастырские стены.

Тебя опять обманули:
Сомкни ж усталые вежды, —
И вдруг померкнут заботы
О мире горя и тленья.

Лишь сердце дышит, как улей,
В котором пчелы надежды,
Лишь сердце млеет, как соты,
Где свежий мед утешенья.

Тогда улягутся бури,
И лодку к молу причалит
Высокий Спутник заблудших
И сушихь вь мори далече.

Беглец разгневанный фурий,
Кого и гонят, и жалят,
Уснет в обителях лучших
И раны, раны залечит.

6 декабря 1938 г. («Добрый улей»)

ВТОРАЯ СКОРБЬ

Alio dolore dolebam dolorem
Св. Августин

Мы слезы льем над свежею могилой
Или когда подмытый ливнем дом
Бьет молния и сотрясает гром,
Ниспосланный карающею силой.

Или когда, один на свете милый,
Наш друг уйдет и сблизится с врагом,
Иль, как Самсон, мы сетуем тайком
Над ветреной, пленительной Далилой.

Но вдумчивы и зорки мы, когда
Под окриком внезапного стыда
Не рады мы безболью и безгорбью.

В такие дни мы смотрим на себя
И, бренные удачи разлюбя,
Над скорбью мы скорбим второю скорбью!

18 января 1939 г. («Добрый улей»)

МОЛИТВА

Пускай не сиротой, бескрылым Недоноском,
Гонимым на земле, не принятым в раю,
Я стану глиною, о Господи, иль воском:
Ту глину претвори Ты в амфору свою!

Пусть, раскаленная в чистительном горниле,
Дыханьем севера потом охлаждена,
Она созиждется в неодолимой силе —
И меткою Твоей отмечена со дна.

Ты заключишь в нее то благовоний зерна,
То свитки древние пророков и псалмов:
Всё сбережет она — прочна, огнеупорна
И радостью полна до блещущих краев!

9 мая 1939 г. («Добрый улей»)

НАДЕЖДА

Все говорили: нас не свяжете,
Мы все равно уйдем туда,
Где золотые Божьи пажити
И чудотворная вода.

Все бредили чужими странами
И проклинали север свой,
И уходили караванами,
Не приходящими домой.

Всё громче пели, всё победнее
Они о солнце юных стран,
И вот остались мы, последние,
Не принятые в караван.

Ну, что ж! Кто до конца останется
У древних ледовитых вод,
Тому застенчивая странница,
Как пери, радость принесет.

21 октября 1939 г. («Звезда над морем»)

К ПОЛЬШЕ

О Польша! Ты голубь живой
Меж молотом и наковальней —
Не внук ли поведает твой
Об этом нежней и печальней?

Прекрасная предков страна,
Ты стала страною несчастной,
Но мне издалеча видна
Ты прежнею Польшей Прекрасной.

Пусть плачут твои старики,
Что кубок страданий не допит,
Но, стискивая кулаки,
Пусть юноши мужество копят.

Твои отомстят сыновья —
Так пусть воспитается гневом
Великая братьев семья,
Единым рожденная чревом!

Как сон, как докучная ложь,
Пусть нечисть рассеется вскоре:
Ты снова своим назовешь
Родное Балтийское море.

Очищены горем стократ,
Пред Богом невинны и правы,
Твои сыновья совершат
Деянья немеркнущей славы.

Не внуку участвовать в том,
Но внук не устанет молиться,
Чтоб с русским сдружилась орлом
Свободная польская птица!

22 февраля 1940 г. («Звезда над морем»)

ГОМУНКУЛ

О, если бы не страстен и не горд
Родился я, не в замкнутых оковах,
А вышел бы из трубок и реторт,
Алхимиков дитя средневековых!

Мои творцы мне дали бы в удел
Блаженство молнийного постиженья
Законов чисел, притяженья тел,
Полета их, покоя и движенья.

Внутри себя я слушал бы порой
Струенье крови, правильно нагретой,
Но быть владычицею над собой
Я б не позволил красной влаге этой!

Ни наваждений, ни полудремот
Не знал бы я, ни похоти, ни боли —
И ум, и тело для дневных работ
Включал бы я свободной вспышкой воли.

О, как тогда мне были бы смешны
Вы, черви в загнивающем болоте,
Чья жизнь жалка, но дерзновенны сны,
Чей дух крылат, но всё ж не выше плоти!

Пусть эти ветреные существа,
Рожденные от вожделений душных,
Кричали бы, что жизнь моя мертва,
Что я — сцепленье атомов бездушных;

Что я — лишь слепок юношей земных
И даже праха их ноги не стою, —
Во сколько раз я был бы выше их
С моим всеведеньем и чистотою!

17 июля 1940 г. («Звезда над морем»)

БЕССМЕРТИЕ

Памяти иеромонаха Мефодия Иогеля

О бессмертии нам никогда и никто не расскажет,
Изменяет язык тайнозрителям и мудрецам:
Разве наше убогое слово поднимет и свяжет
Непосильную правду, такую нетрудную там?

О бессмертии мы никогда ничего не узнаем,
До последнего дня понапрасну промучимся лишь.
Но послушного сына Христос не обманывал раем,
Обещая с Собой увести в несравненную тишь.

Может быть, это раем Он сад называет веселый,
Где синеют цветы, распустившиеся навсегда,
Где летают над ними святые и мудрые пчелы,
Для которых Садовник, смеясь, отменил холода?

Не такой ли пчелой, созидающей дом нерушимый,
Ты живешь, вознесенный, в пленительной голубизне,
Где, как с пчелами ветер, играют с тобой серафимы
И качают, и нежат тебя на воздушной волне?

Или, может быть, ты на холмы неземной Палестины
Златорунных выводишь и кротких Господних овец,
И потом, на закате, при медленном спуске в долины,
У последней овечки позванивает бубенец...

В беспечальных полях никогда не вздыхают,
не плачут,
Ты не станешь на небе грустить о земле и борьбе.
Ну, а мы... ничего наши тщетные слезы не значат —
Нам позволено плакать, вздыхать и грустить о тебе.

19 августа 1940 г. («Звезда над морем»)

СЧАСТЬЕ

Взамен побед и бурь, и сладострастья,
И мужественной битвы до конца
Ты, Боже, дал мне маленькое счастье,
Какому не завидуют сердца.

Дар памяти! Ни громоносной славы,
Ни жгучих сновидений не влача,
Я только ветры, вечера и травы,
Пускаясь в путь, подьемлю на плеча.

Прощальный день, обманчиво спокойный,
Задумчивое небо сентября
И сумерки, и жесткий ветер хвойный
В мой южный дом возьму с собою я.

И память мне не раз покажет снова
Кладбищенский многоречивый сад
И на скамейке томик Гумилева,
И темных глаз обрадованный взгляд.

24 сентября 1940 г. («Звезда над морем»)

ПОЕЗДКА В ДУНЛИН

К востоку поднимаются курганы,
Как две белоголовые горы.
Похороненные под ними ханы
Во сне сраженья видят и пиры.

В твоих глазах — безоблачные дали,
Синеет жилка нежная на лбу...
Здесь юноши о девушках вздыхали
И лютни жаловались на судьбу.

Таятся в соснах шорохи столетий,
Здесь приютившиеся навсегда.
Мы ту же самую — дурные дети —
Тревогу томную несем сюда.

Рисунками, стихами, именами
Испещрена горбатая стена.
Мы высекаем острыми камнями
И наши варварские имена.

14 октября 1940 г. («Звезда над морем»)

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Неподатлива, грубовата,
Некрасива твоя рука.
Сердца много, ума палата,
Жизнь — тревожна и коротка.

Правда, в наши дурные годы
Кем ты станешь — на краткий срок?
— «Стану летчиком! Путь свободы
Мне дороже земных дорог.

Буду гордо летать кругами,
Как орел — молодой орел —
Над зажженными городами,
Над кострами горящих сел.

Сладок юному сердцу жребий
На нетронутые снега
Побежденного в черном небе
Сбить заносчивого врага!»

Даже ранней своей могилы
Не боишься, счастливец, ты!
Так лети же, орленок милый,
На орлиный призыв мечты.

Новый, новый над миром старым
Мир откроется впереди
Тем, кто рад умереть Икаром
С сердцем мужественным в груди!

22 октября 1940 г. («Звезда над морем»)

РАСПЛАТА

В лабиринте глухом, где мечусь я, как пойманный
в сети,
Тянет гибельным ветром от стен земляных и камней,
И безвременно чахнут, как туберкулезные дети,
Слабогрудые замыслы, хилые всходы страстей.

Солнце трижды великое, царь всеблагой
и преславный,
Хоть единым лучом укрепи меня против врага!
Но в назначенный день прошумит поединок
неравный —
Сердце мне остановят железные бычьи рога.

Ариадна моя! Для чего у зловещего входа
Я с пути не сошел и приветом твоим пренебрег!
Ты сияла, как луч, как победа в бою, как свобода,
Прижимая ко груди спасительный пряжи клубок.

Как невеста, копье боевое ты мне подносила,
Ты, как мать, покрывала меня освященным щитом,
Но так сладко мне лгали и слава, и юность, и сила,
Так манили идти не оглядываясь, напролом...

Ты осталась вверху — безутешна, светла и крылата,
Домовитого счастья клубок покатился из рук...
Ариадна моя! Не за это ли ныне расплата
Паутиной своей оплетает меня, как паук?

4 декабря 1940 г. («Звезда над морем»)

ПТИЦЫ

Мой весел труд и сон мой мирен,
И дом мой светел — целый год
Серебряноголосый Сирин
На крыше радостно поет.

Земной ли страстью я измучен
Иль сильными тесним в бою, —
Он верен мне, он безотлучен
И песней жизнь хранит мою.

Но в эту ночь, когда, любимый,
Любовью я еще не сыт,
Как глупый аист, недвижимый,
Сидит мой Сирин — и молчит.

И труд становится соблазном,
И зыблемым — мой добрый дом,
И целый мир — многообразным,
Но непростительным грехом.

И книги мудрые, и счастье, —
Всё рассыпается во прах;
Лишь сонное гнетет бесстрастье,
Да черный вырастает страх...

И вижу за чертой погоста
Бессмертие в чужой стране —
И скорбный голос Алконоста
О покаяньи стонет мне.

11 января 1941 г. («Звезда над морем»)

СТРАШНЫЙ СУД

Не в облаках, не в пламени и дыме
Я вижу образ Страшного Суда,
Но твердо знаю: буквами большими
Всё тайное напишется тогда.

В тот день во всеувиденье явиться,
Греметь во всеуслышанье должно
Всё то, что свершено без очевидца,
Что только сердцем произнесено.

Тогда и вас, душа моя и тело,
Лучами зоркими пронзят насквозь,
Чтоб видеть, чем ты, ветреная, пела,
К чему, бессмысленное, ты влеклось.

Да, каждый раз, как бурей запрещенной
В моей крови кипел девятый вал,
Иль сердце я, счастливый и бессонный,
Наитью чар незваных отдавал,

Иль вздох из недр моих вздымался тяжкий,
Иль радость побеждала боль и страх, —
Стучали равнодушные костяшки
На счетах ангельских, на небесах.

И, вот, когда сойдутся все итоги
И расточителей введут туда, —
Нагому приговор прочтут мне строгий
И пламенеющему от стыда.

11 января 1941 г. («Звезда над морем»)

КАРТИНА

Марии Павловне Коростовец

Есть у меня картина: между скал
Простерто небо всех небес лучистей.
Китайский мастер их нарисовал
Легчайшею и совершенной кистью.

Внизу, в долине, зелень, как ковер,
Стада приходят на призыв свирели.
Так безобидный высказан укор
Всем возлюбившим маленькие цели.

А выше есть тропинка по хребту,
И будет награжден по ней идущий
Вишневыми деревьями в цвету,
Прохладою уединенных кущей.

Здесь мудрецы, сдав сыновьям дела
И замуж внучку младшую пристроив,
Вздохнут о том, как молодость цвела
Надменней роз и радостней левкоев.

А скалы те, что в небо уперлись,
Обнажены, как варварские пики, —
Немногие полюбят эту высь,
Где только ястребы да камень дикий.

Но там над пропастью взвилась сосна,
Торжественно, спокойно, равнодушно,
И там царит такая тишина,
Что сердце ей доверится послушно.

Лишь только смерть, легка и хороша,
Меня нагонит поступью нескорой,
Я знаю, наяву моя душа
Придет бродить на вычурные горы.

15 января 1941 г. («Звезда над морем»)

ПРЕДЕЛ

Так много раз сближались наши руки,
Глаза с глазами стали так дружны,
Что нам уже ни сроки, ни разлуки,
Ни глаз чужих обеты не страшны.

Мы ласковы и в нежности похожи,
Но все-таки не сохранить любви
Нам, не тождественным по цвету кожи,
По тяжести наследственной в крови.

Мы ловим ветерок благоуханный,
Приветствуем вечернюю росу,
Но я — цветок болезненный и странный
И — дикая ты яблоня в лесу.

Смолою почек пахнет прелый воздух,
Белеет поздний парус вдалеке,
Но не сумею рассказать о звездах
Я на твоем чудесном языке.

А ты, когда гуляешь по аллее
С таким же юношей твоей страны,
То у тебя лицо еще смуглее
И бездны глаз особенно темны.

21 февраля 1941 г. («Жертва»)

ДИКАЯ ЯБЛОНЯ

Плененный музыкой и тишиной,
Я направлять привык мой путь восточный
К моей подруге — яблоне лесной,
Еще незнающей и непорочной.

Я ей рассказывал, что вижу сны
Недолжные и слышу смех лукавый,
Что шествие победное весны
Томит меня и жжет подземной лавой.

И деревце внимало, наклоня
На плечи мне своих ветвей ладони,
И утешало, чуткое, меня
Теплом своих весенних благовоний.

Теперь же я всё реже там брожу,
Почти забыв разлюбленное имя,
Но яблоню влюбленной нахожу,
Отравленной признаньями моими.

Что этих сосен равнодушный круг
С их зеленью бессмертной и холодной
Ей, разметавшей столько жадных рук,
Непоправимо чистой и бесплодной?

22 февраля 1941 г. («Звезда над морем»)

УЧИТЕЛЬ

Иной страны благословенный житель,
Что превозмог давно и тлен, и прах,
Дарованный от Господа учитель
Хранит меня, как мальчика в горах.

Меж нами восемь пролегло столетий,
Но лик его я вижу сквозь века,
И снов моих таинственные сети
Плетет его любовная рука.

Он входит то со знаком, то с ответом,
Порою слышим, но всегда незрим.
Он был молитвенником и аскетом
И книжником суровым и благим.

Еще я знаю по речам старинным,
По их скупой библейской простоте,
Что некогда прославленным раввином
Прошел он путь к возвышенной мете.

Но, возвратясь к обещанному устью,
Уже утешенный и неземной,
Оттуда он с неизрекомой грустью,
С великой нежностью следит за мной.

И, преданный дурному своеволью,
Бредя во тьме, но тьму уже кляня,
Я чувствую, с какой безмерной болью
Приходит он наказывать меня!

22 июня 1941 г. («Звезда над морем»)

МОЙ ГОРОСКОП

Вещает мне язык небесных литер,
Что в этом мир пришел я в час, когда
На небо мудрый восходил Юпитер,
Достойная и щедрая звезда.

На западе, в двуликом знаке Рака,
Стояли рядом Солнце и Нептун,
Глашатаи возвышенного брака
Двух жребиев и двух созвучных струн.

И там же стал расчетливый Меркурий,
Лукавый враг и Марсу, и Луне:
Все черные бессонницы, все бури
За их вражду судьба судила мне.

На каждый день — укол, порез и рана:
Куда, куда бежать от лезвия?
Зато стихи — Венеры и Урана
Совместный дар — не радость ли моя?

Звезда любви и тут же тень Сатурна!
Едва любовь забрезжит наяву,
Как блеск и гром, и рифмопад — и урна
Всего того, что счастьем я зову.

Отнимет Марс и разум, и желанья,
Луна добро развеет по ветрам, —
На пустыре, взамен жилого зданья,
Воздвигнется нерукотворный храм.

Унижены, осмеяны герои,
Всё отнято, всё сожжено дотла,
И жизнь лежит развалинами Трои,
Но дух растет и ширятся крыла.

22 июня 1941 г. («Звезда над морем»)

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Покинув нерадушные края,
К вам прихожу, тишайшие озера,
Как блудный сын изверившийся, я
Для утешенья, а не для укора.

Недолго были мы разлучены,
Но, скоро захмелевевший от свободы
И разлюбивший ветреные сны,
Я месяцы почувствовал за годы.

Здесь, как у кроткого духовника,
Прощения прошу и крыльев новых,
Чтоб стала вновь уверенной рука
И сердце не страшилось бурь суровых.

Ущедрите пустое сердце мне,
Возьмите в плен мой ум неукротимый,
И я клянусь, что возвращу вдвойне
Ваш дар — как любящий и как любимый!

А груз, который так давно кляну —
Земную ношу боли и позора —
Во всепрощающую глубину
Повергну я, тишайшие озера!

9 декабря 1941 г. («Жертва»)

ЖЕРТВА

Боже! Я всех у Тебя бедней,
Всех нерадивее, всех превратней:
Я только двух принес голубей,
Не улетевших из голубятни.

Ты переломишь ли шею им
И неискусные эти крылья,
Чтобы навеки стезям Твоим
Стали послушными — от бессилья?

Шею Господь у них преломил
И, под крыло их головы пряча,
Тельца на жертвенник возложил,
От всесожжений еще горячий.

Как непохожи на голубей
Мертвые голуби на решетке!
Мертвая птица в руке Твоей,
Я непорочный, простой и кроткий.

19 января 1942 г. («Жертва»)

ВЫБОР

Однажды, чуть начав мою борьбу,
Я призван был благими небесами,
И ангел, назначающий судьбу,
Введя, меня поставил пред весами.

В одну из чаш он много разных благ
Вложил рукою, свыше вдохновенной,
И целый ворох дарственных бумаг
На то, что величаво и нетленно.

В другую чашу, с этикеткой «зло»,
Он бросил всяческие извороты,
И детский смех, и женское тепло,
И мелкие колючие заботы.

Не долго я стоял у тех весов,
Чтоб выбрать жребий самый благородный:
Поменьше дел, поменьше и грехов,
И ясный путь, почтенный и свободный.

И ангел возвратил меня домой,
Но дом мой сделал площадью открытой,
Где в сутолоке стал я жить людской,
Для всех равно чужой, но знаменитый.

И дети нежные на много зим
За мысленной ко мне слетались пищей,
Чтоб после отойти путем своим,
Не оглянувшись на мое жилище.

И вот я жду последнего суда,
Но, кажется, мне ничего не надо:
Всё разлюбив, что выбрано тогда,
Ужель просить отвергнутой награды?

20 января 1940 г. («Жертва»)

ПРОПАСТЬ

Мой добрй мир и прост, и ясен —
Как день и ночь, как дважды два,
И каждый трепет в нем прекрасен,
Как зов и песня торжества.

Я обнесен стеной любовной,
Вещами верными храним
Для жизни радостной и ровной,
Где я люблю и где любим.

Но иногда отходят вещи
И раздвигается стена, —
И вдруг я вижу мрак зловещий,
Мрак без предела и без дна.

Тогда, невольный соглядатай,
Я плачу — так мне мира жаль,
Что я готов от тьмы косматой,
От этой вечности разъятой
Закрыться стулом, как Паскаль!

16 октября 1942 г. («Жертва»)

УТРО

Славно имя Твое раздается,
По вселенной победно звенит:
Ты воздвиг на путях мореходца
Столько звезд и луну, и зенит.

Отчего ж я Тобою заброшен,
Как изгнанник блаженной страны,
На одну из малейших горошин,
В эти странные, темные сны?

Вот я выйду в привольное поле
В час, когда просыпаешься Ты,
И спрошу о назначенной доле
Утешенья, любви, красоты.

Чем, замыслив еще до Денницы,
Чем верстал Твоего Ты раба?
Не моя ли торжественной птицей
Поднимается в небо судьба?

Или нет, — наделенный смиреньем,
Не бойцом, не царем, не орлом,
Был я создан печальным растеньем
Через камни расти напролом;

Паутиной, унылой и черной,
Или бархатной зеленью мха,
Что тянулась бы к свету упорно
Из могильного мрака греха...

Я рассвет предваряю гаданьем,
Я ответа и знаменья жду.
О, пошли мне Своим указаньем
Птицу, бабочку или звезду!

4 ноября 1942 г. («Жертва»)

УЧЕНИКУ

Пусть мать твоя осиротеет
И друга пусть лишится друг:
Все руки, что тебя лелеют
(А их немало, этих рук),

Пусть испытают боль разлуки —
Оставшиеся без тебя
Все человеческие руки,
К тебе простертые, любя.

А ты смеясь пойдешь за мною
Во мрак и в бурю напролом
И явишься перед толпою
Возлюбленным учеником.

И, может быть, союзом нашим
Быль древняя воскрешена,
И оба мы приступим к чашам,
Чтоб горечь их испить до дна.

Но та же будет ли отплата
Мне за любовь и благодать?
Скажи, учителя и брата
Врагам ты сможешь ли предать?

25 ноября 1942 г. («Жертва»)

ЭЛЕГИЯ

Я полюбил тебя весною ранней,
Я наблюдал твой радостный расцвет.
Мне с каждым годом был твой рот желанней
И с каждым днем мучительней запрет.

Поверь, что большей не бывало боли:
В твоих глазах угадывать вопрос,
Но сковывать себя цепями воли, —
И слов признаний я не произнес.

Я стал твоей книгой открытой
И, жертвенной любовью возлюбя,
Всей нежностью, всей мыслью плодовитой
Я создавал и взращивал тебя.

И вот теперь, когда богато древо
Цветами несравненной красоты,
Я отхожу без слова и без гнева,
Чтоб для других цвели твои цветы.

И снова жизнь пустынна и безбурна,
И дни светлы, и ночи хороши.
Но тело без души — пустая урна.
Вот так теперь — я тело без души.

11 декабря 1942 г. («Жертва»)

КИТАЙ

Это небо — как синий киворий,
Осенявший утерянный рай,
Это милое желтое море —
Золотой и голодный Китай.

Я люблю разноцветные стены
И за ними пруды и цветы.
Ах, не всем же, не всем же измены:
Сердце, верным останься хоть ты!

Сердце мудрое, где ни случится,
Как святыню, ты станешь беречь
Этих девушек кроткие лица,
Этих юношей мирную речь.

И родные озера, озера!
Словно на материнскую грудь,
К ним я, данник беды и позора,
Приходил тишины зачерпнуть.

Словно дом после долгих блужданий,
В этом странном и шумном раю
Через несколько существований,
Мой Китай, я тебя узнаю!

11 декабря 1942 г. («Жертва»)

ИНОЙ ПУТЬ

Иным путем, чем шли Твои святые —
Без искушений, взлетов и скорбей
Проник и я под своды золотые
Обители чистейших голубей.

Одно мгновенье боли нестерпимой,
Когда мне руки острый меч отсек, —
И вот я тоже Божий сын любимый,
Свободный дух и чистый человек.

Порадуйтесь о чистом человеке:
Я через кровь вознесся выше всех.
Что для меня, бессильного калеки,
Непоправимо недоступный грех?

Пусть венчиком заманчиво прекрасным
Цветет весной волнующее зло —
Железо целованием бесстрастным
Меня освободило и спасло.

О, как легко идти без колебаний
Тому, кто сжег мосты и корабли!
Что прежний меч для отсеченных дланей?
Колдуйте же, цветы чужой земли!

7 февраля 1943 г. («Жертва»)

НЕБО

В мире, где боль насыщает нас вместо хлеба
(Всякий, кто хлеба вкусил, умирает тот),
Только одно навсегда полюбил я — небо,
Божью палатку среди мировых пустот.

По осиянным полотнам его лазури
Гордое шествует Солнце — могучий лев,
Медлит тяжелый Юпитер, кружит Меркурий,
Сонная бродит Луна, от весны сомлев.

Там, — возвещают Твои неземные книги, —
Домы для кротких и плачущих Ты водвиг,
Домы для любящих терния и вериги,
Дышащих бредом Твоих несравненных книг.

Господи, знаю, в Твоей голубой отчизне
Места унынью не сыщется, ни слезам.
Вот почему в нашей маленькой, бедной жизни
Небо Твое голубое — святой бальзам.

7 февраля 1943 г. («Жертва»)

АЛХИМИЯ

Я, как алхимик, много лет не сплю,
В удел избрав пленительную муку,
И в целом мире лишь одно люблю —
Свою великолепную науку.

Вдали от пестрых, суетливых толп
Нас двое — я и муза-подмастерье,
Мы смешиваем в недрах странных колб
Меркурий веры с серою неверья.

Соль горьковатую — большую боль —
Давно перегоняем мы в реторте,
И муза всё подмешивает соль, —
Смотри, смотри, работы не испорти!

Но непослушный подмастерье тверд, —
Дерзит и поступает своевольно.
Уж соли хватит на десять реторт, —
Мне больно, подмастерье, право, больно!

Куда еще ты требуешь скорбей?
Полна твоя реторта выше краю!
Ты всё бодрее, я же всё слабей,
Ты крыльями шумишь, я — умираю.

Я гибну, гибну, плача и скорбя,
Но строгий голос музы настигает:
«Отдай еще улыбку, что тебя,
Однажды ранив, вечно утешает».

Последнее, что оставалось мне —
Всех мук моих святей и незабвенней...
Но слышу голос: «Вон, на самом дне, —
Не золото ль чистейших вдохновений?»

14марта 1943 г. («Жертва»)

БЕЗДНА

Чуть опадает в бессмысленном сердце хмель,
Вновь на крылах покаянья могу летать я.
Грех, ты моя удивительная качель,
Благословенье мое и мое проклятье!

Бездны твои отражают Эдем святой,
И у тебя в низинах полусумрак мира.
Падая в пропасть, захлестнут я высотой —
Выше могучих орлов и снегов Памира.

Там, оторвавшись от душных твоих цветов,
Слышу застенчивый запах фиалок рая
И воскресаю, и — сердцем широк и нов —
Небо вбираю в себя без конца и края!

Так возврати же меня к голубым шатрам,
От ядовитых болот и смолы гоморрской
Перенеси меня в белоколонный храм,
В невозмутимое утро страны приморской!

15 марта 1943 г. («Жертва»)

LE MAL INVINCIBLE

Бела и красива была у меня рука —
У грешников руки бывают всегда красивы.
Но слово Твое я услышал издалека:
«Не будьте ленивы, медлительны и трусливы!»

Последователям Своим говорил Ты сам
Об участи ока, что видимостью пленилось:
«Бестрепетно вырви его и повергни псам —
И руку, что заповедь Божью творить ленилась».

Я верю, что слово Твое пребывает ввек:
Рука моя, Боже, меня соблазняла с детства,
И руку свою я, не дрогнув, мечом отсек,
Чтоб сердцем свободным искать Твоего наследства.

Я жалкий калека, но чист я теперь и прост,
И пламенней солнца дневного я вижу светы:
Свободный, я сжег за собою последний мост
И к вечному Солнцу лечу, как Твои планеты.

Но часто с тех пор, как пришел Ты тогда ко мне
И голосом тихим позвал меня и усталым,
За тонкой и чуткой рукой я слежу во сне,
И к нежному горлу крадется она с кинжалом.

«Бестрепетно вырви то око...» Но чем, ответь,
Убить сновиденье пленительное и злое,
Чтоб снова, как утренняя заря, розоветь, —
Как, Боже, исторгнуть мне око мое ночное?

15 марта 1943 г. («Жертва»)

МРАМОР

Я вижу твой образ чудесней,
Чем прежние все вдохновенья —
В ущербные лунные бденья
Давно я замыслил его.

Не слово, как некогда в песне, —
Я мрамор смиряю, как зодчий:
Когда я любовней и кротче,
Всесильно мое колдовство.

Я мертвую глыбу тревожу,
Шепчу ей нежнейшие сказки:
Ответь же мне лаской на ласки,
Сойди с бестелесных высот!

Я чувствую теплую кожу
И сердце грядущего бога —
Еще так немного, немного,
И мрамор смеясь оживет:

16 марта 1943 г. («Жертва»)

НА СЕРЕДИНЕ МОСТА

Есть мостики горбатые в Китае:
До середины медленно, с трудом,
А дальше, вниз — легко, почти слетая...
А наша жизнь — не век, и мост — не дом.

Я медленно взошел до середины,
Я шел оглядываясь, не спеша,
Чтоб нынче, в день тридцатой годовщины,
Понять, что жизнь безмерно хороша.

Но дальше вниз — легко, почти паденье...
Стой, путник, и движенья не ускорь:
Не упусти весеннего цветенья,
Закатов царственных и звонких зорь!

Как часто ты, услышав гул погони,
Оплачешь плен у ладана и книг.
Учись, учись же на возвратном склоне
Благословить за ломкость каждый миг!

27 апреля 1943 г. («Жертва»)

НЕ ГРУСТИ

Друг, не грусти, что вечен только ум,
Что только мысль нетленному причастна:
Ум, как бессмертник, жесток и угрюм,
Мысль, как гробница, лжива и бесстрастна.

Нет, лишь одно не гибнет на земле,
Бессмертное и вправду неземное,
Прекрасное в святыне и во зле —
Чело Елены, тело Антиноя.

От мрамора не станет ни куска,
От полотна не уцелеет пыли,
Но память их перешагнет века
И летописцев бережные были.

И, глядя на любимые цветы,
Что по весне из праха возродятся,
Еще сквозь слезы, но готова ты
Утешиться и снова улыбаться.

Так лучше верь пленительной мечте,
Что не в морозах вечного покоя
Вернешься ты, а в хрупкой красоте
Нарцисса или нежного левкоя!

24 мая 1943 г. («Жертва»)

СЕРДЦЕ

Словно голоса жду из тумана,
Но спасенью не рад своему:
Сердце, глупый осел Буридана,
Ничего я в тебе не пойму!

То зовешь в несуразной отваге
На скалу, где светло и вольно,
То в болота ведешь и овраги
На зеленое мшистое дно.

От тебя и молитвы, и лавры,
Но тебе же зачем-то нужны
Улюлюкающие кентавры —
Вожделений моих табуны.

Сердце, выше! Мне крылья бы надо!
Или, хочешь, вернемся в овраг,
Где грибы, земляника, прохлада...
Но не век же раздумывать так!

Мне дороже крутые уступы,
Но тебя я покинуть не смог,
Чтобы здесь по-ослиному глупо
Умереть на скрещеньи дорог.

24 мая 1943 г. («Жертва»)

ХУЦИНЬ

Чтоб накопить истому грустную,
Я выхожу в ночную синь,
Вдали заслыша неискусную
И безутешную хуцинь.

Простая скрипка деревянная
И варварский ее смычок, —
Но это боль почти желанная,
Свисток разлуки и дымок.

И больше: грусть начальной осени,
Сверчки и кудри хризантем,
И листопад, и в смутной просини
Холма сиреневатый шлем.

Кто дальний, на плечо округлое
Хуцинь послушную склоня,
Рукою хрупкою и смуглою
Волнует скрипку — и меня?

Так сердце легкое изменится:
Я слез невидимых напьюсь
И с музой, благодарной пленницей,
Чужой печалью поделюсь.

10 августа 1943 г. («Жертва»)

ВЕТЕР

Посланник памятного края,
Холодный ветер, ты спешишь,
Как черный демон, пробегая
По склонам черепичных крыш.

Но мне твои ожоги любы
И дух мой весел на ветру:
Родные, северные губы
Ласкал ты нынче поутру!

20 августа 1943 г. («Жертва»)

В ШАНЬХАЙГУАНЕ

Поднявшись на стены у «Первой Заставы Вселенной»
Оттуда смотреть на прекрасные дымные горы,
На город, умолкший внизу, на поселок застенный,
На эти раздвинутые далеко кругозоры!

Зубчатые стены побиты в бесчисленных войнах,
Тяжелые своды осели, близки к разрушенью.
Но осликов кротких отрада — меж вязов спокойных
В полуденный зной отдыхать под зубчатою тенью.

На западном небе резка Барабанная Башня,
Где мудрый Вэньчан восседает под сумрачной
аркой.
Студент, чтобы стать на экзамене трудном
бесстрашней,
Там свечи приносит душистые жертвой неяркой.

А вечером, в уединенном углу ресторана,
Сквозь приторный голос ловить отдаленную скрипку
И снова в безумие падать и жаждать обмана,
И гордое счастье свое отдавать за улыбку.

Я как собиратель камней дорогих и жемчужин,
Что прячет их нежно в резные ларцы и шкатулки:
И каждый прохожий мне дорог, и каждый мне
нужен,
И память.хранит вечера, города, переулки.

О жадное сердце, о неутолимое море,
Несытая бездна, — ужель тебе мало и света,
И счастья, и знанья, и зла, и бесценного горя, —
О, что ты ответишь и чем ты заплатишь за это?

23 августа 1943 г. («Жертва»)

НОСТАЛЬГИЯ

Я сердца на дольки, на ломтики не разделю,
Россия, Россия, отчизна моя золотая!
Все страны вселенной я сердцем широким люблю,
Но только, Россия, одну тебя больше Китая.

У мачехи ласковой — в желтой я вырос стране,
И желтые кроткие люди мне братьями стали:
Здесь неповторимые сказки мерещились мне
И летние звезды в ночи для меня расцветали.

Лишь осенью поздней, в начальные дни октября,
Как северный ветер заплачет — родной
и шемящий —
Когда на закате костром полыхает заря,
На север смотрю я — всё дольше и чаще, и чаще.

Оттуда — из этой родной и забытой страны —
Забытой, как сон, но во веки веков незабвенной —
Ни звука, ни слова — лишь медленные журавли
На крыльях усталых приносят привет драгоценный.

И вдруг опадают, как сложенные веера,
Улыбки и сосны, и арки... Россия, Россия!
В прохладные эти, задумчивые вечера
Печальной звездою восходит моя ностальгия.

19 сентября 1943 г. («Жертва»)

ВЕСНА

Золотое, древнее
Колдовство в крови:
Все слова напевнее —
Будто о любви.

Пахнет ветер южною
Нежною весной,
Радостью ненужною,
Поздней и шальной.

Радость небывалая
Слишком тяжела —
Не подымут малые,
Тщетные крыла!

Только сердце плачется,
Только ночь без сна
Оттого, что прячется
За окном весна.

24 сентября 1943 г. («Жертва»)

В ПОЛНОЛУНИЕ

В ночи радостные полнолуний
Я взволнован и весел и нов:
Это синие ночи колдуний,
Ворожбы и пророческих снов.

О луна, бредовая наяда,
Устремившаяся в вышину,
Из всего светоносного стада
Я люблю тебя только одну.

Я Меркурия чту и Сатурна,
И Венера берет меня в плен,
Но одна ты — как древняя урна
С благородной загадкой письмен.

Как морские тяжелые волны,
И во мне подымается вал,
И, восторгом бессмысленным полный,
Я б охотно лунатиком стал.

Мы глядим и от страха не дышим,
Чтоб его в высоте не спугнуть —
Как проворно по кручам и крышам
Он находит неведомый путь!

Усыпи же меня, окрыли же,
Сделай легким соперником птиц,
Чтобы выше взошел я и ближе,
Не встревожив нигде черепиц!

Чтоб испуганный голос любимый
Разбудил равнодушную твердь
И, влюбленному в лунные дымы,
Мне принес лучезарную смерть!

14 октября 1943 г. («Жертва»)

ТРЕТЬЕЙ И ПОСЛЕДНЕЙ

Умберто Маркес Пассосу
и всем моим бразильским
друзьям

ЗНОЙ

Бродя по пальмовым аллеям,
Где нет тенистых уголков,
Мы злимся, злимся и потеем
И тщетно ищем облаков.

Апрель, но зной еще несносен,
И мы, изнывшие в плену,
Ждем осени, но медлит осень
Начать желанную войну.

Пусть ветры полюса напрасно
Богиню молят: — «Прикажи
В поход!» — Богиня не согласна
Их отпустить за рубежи.

Так полководец перед боем,
Врага могуществом смущен,
В раздумьи скачет перед строем,
Не смея вверить честь знамен
Немногочисленным героям.

16 марта 1953 г.

* * *

Нам солнце заслоняют крыши,
Долины принижают дух,
Но высота возносит выше
И ветер очищает слух.

Мы в буре чуем голос Бога,
Упрек — в полете птичьих стай,
И каждая гора немного
Похожа на святой Синай.

Сюда, где царственные громы,
Где солнце, горы и орлы,
Принес я, путник незнакомый,
Из города болотной мглы

Всё то, что долго сердце мучит,
Сомненья, жалобы и страх...
Что скажет мне, чему научит
Волшебный город на горах?

Высокой вере иль неверью?..
Или, дразня покоем лишь,
Расчетливому лицемерью
Разбросанных по кручам крыш?

1 июля 1953 г. («Качель»)

КОРКОВАДО

Я на вершине Корковадо
У статуи Христа, один.
Лишь облака сюда, как стало,
Из-за других идут вершин.

Тускнеют в предвечерних далях
Дома и пляжи, и авто.
О радостях и о печалях
Здесь не напомнит мне ничто.

Здесь так легко почти без боли
Страстей наскучившую нить
Прервать одним порывом воли
И в дольний город уронить.

Летите вниз, былые бури,
Прочь отпади, моя тоска!
Один средь меркнущей лазури
Я буду чист, как облака.

Следя, как падающим диском
Уходит солнце за черту,
О мире маленьком и низком
Я, близкий, помолюсь Христу.

1 июля 1953 г. («Качель»)

ПЕСЕНКА

Люблю дремать на скалах Ипанемы,
Где океан в несчетно-первый раз
Скандирует эпической поэмы
Бесстрастный, нескончаемый рассказ.

А звонкий голос — голоса такие
Лишь в юности, весной и на заре —
Издалека поет слова простые:
«A pérola nas ondas da maré...»

Жемчужина моя в волнах прибоя:
Я за тобою прыгну в глубину,
Я назову тебя своей судьбою,
Я научусь любить тебя одну...

8 апреля 1954 г.

ДОМ МАРКИЗЫ ДЕ САНТОС

Нарядною толпой особняков
Придавлено жилище сквозняков,
Дом шорохов, полуслепых зеркал,
Еще живой в предместьи мертвецов.

1 октября 1968 г.

QUINTA DA BOA VISTA

Чинно, ладно, не слишком жарко:
Пальмы, озеро, синева...
Вдруг — как в документе помарка —
Неуместная клетка льва.

Неужели лев зоопарка —
Тоже символ святого Марка?

24 января 1969 г. («Качель»)

PEDRA DA GAVEA

День был жарок, от жажды долог,
И вот-вот обрушится вечер.
Но торопится археолог
Под горой, у самых пещер.

Ведь ему дороже индейцы,
Предки нынешних гуарани.
Он копает, и он надеется
Узнать, как жили они,

Наконечники стрел и копья
Открывая у этих мест,
Потерявшуюся летопись
Воскресить, как палимпсест.

23 января 1969 г.

КАРНАВАЛ

В.С.Ильяшенко

Неистовствует карнавал,
Но парк сильнее тишиной:
Пусть, не пробившись через вал,
Неистовствует карнавал.
В озерной свежести зеркал
Изникнув, тонет летний зной.
Неистовствует карнавал,
Но парк сильнее тишиной.

10 февраля 1969 г.

ТРИ КАРТИНЫ
МАРИИ МАРГАРИДЫ ДЕ ЛИМА СОУТЕЛЛО

I. РУКИ

Заломлены или никнут,
или стиснуты в кулаки, —
а ведь тоже потом привыкнут
к железной хватке тоски.

Протянуты, словно ветки,
к дверям выходным... Но нет:
никто не уйдет из клетки
кому-то большому вслед.

II. BERCEUSE DE L'ENFANT MORT

Мир и зыбкий, и шаткий
вязких песков и ила
на спинку узкой кроватки
склонившись, переложила.

В тесном мирке дощатом
чем ты играешь, мальчик?
На одеяле несмятом
ждет игрушечный зайчик.

III. ДЕВОЧКИ-СОСЕДКИ

Возле моря утро прохладное,
собрались на одно крыльцо
белая, черная, шоколадная —
три расы, одно лицо.

Шоколадная, черная, белая,
и у всех свежа и чиста
расцветающая, несмелая
человеческая красота.

А к полудню жара тлетворная
их разделит. Уйдут с крыльца
шоколадная, белая, черная —
одинаковые сердца.

1-9 июля 1969 г. («Заповедник»)

ИДИЛЛИЯ

Из волокон облачных лепятся
башни, фениксы, поезда:
То сцепляются, то расцепятся,
то рассеются в никуда.

Но в низины сойдем пологие:
там подходит море ползком
и обломки — уже немногие —
золотым заносит песком.

Проплывает морская лилия
за прибрежной белой каймой:
здесь когда-то была Бразилия, —
я недаром рвался домой.

Здесь когда-то, успехом хвастая,
пели звонкие голоса:
разлетались в дали глазастые
птицы, мельницы, паруса.

Но пойдем...
Никого!
Кому же я
свой бросаю поздний призыв?
Побережий полуокружия
искалечил атомный взрыв.

Я пришел из шеола нижнего
изживать пережитки зол,
но ни дальнего я, ни ближнего
на земле своей не нашел.

Буду долго бродить в агонии,
звать во мраке, искать во мгле,
чтобы вымолвить без иронии:
— «Двадцать первый век на земле!

Облака одни — не беседою,
пантомимой увлечены».
...Это будет — года не ведаю —
после третьей большой войны.

25 июля 1969 г. («Заповедник»)

ВЕТРЕНАЯ НОЧЬ

Тихий голос русской Марии
обескрылен бразильской Мартой,
и по долгим полям России —
над ее неуместной картой —

разогретый, шальной, счастливый,
многолиственный ветер ходит,
весь табун свободолюбивый
в оголтелый набег выводит.

Кони ржут, могучи, упрямы:
всё растопчем, смирим, поборем;
задрожат оконные рамы
над Балтийским и Белым морем!

Весь откроюсь наскокам лета,
нежным копьям и жарким дулам,
просижу с огнем до рассвета
и, глухой, оглушенный гулом,

срежу Волгу на половину —
тоже путь к ненужной Голгофе —
и, смеясь, на Двину надвину
ароматную чашку кофе.

21 августа 1969 г. («Заповедник»)

СОН

Мне снился среди туманов
сибирский сосновый бор:
большие клювы туканов
и попугаев подбор.

Там обезьяны кричали,
мельчили дятлы кору.
И я бродил без печали
в бразильско-русском бору.

Ласкал умиленным взглядом
уютный и мирный мир,
где с русским медведем рядом
бразильский грелся тапир.

Колибри вились над ивой,
над россыпью душных трав,
где думал поспать ленивый
великолепный удав.

Не правда ли, лучший метод:
не выбрать, не изменить,
но в тайный зверинец этот
два мира объединить?

3 января 1970 г. («С горы Нево»)

ИМЯ

По-здешнему — Сэвэрину,
По-нашему — Северин:
В том имени к аспирину
Хитро подмешан стрихнин.

Но вовсе не одурманен
Латынью, дик и суров,
Он — истинный северянин,
Питомец верный лесов.

Одним таким Северином
Ведомый автомобиль,
С разбегу, прыжком звериным
Меня опрокинул в пыль.

Подарком от папы Пия
Святого, тенью креста
Остались мне диплопия
И легкая хромота.

12 февраля 1970 г. («Качель»)

АЛЕЙЖАДИНЬО

Жил в сердце продавца реликвий
Престольный праздник, — а пока
Он радовался каждой тыкве,
Солдату проданной с лотка.

Лазурь, деревьями плантаций
Изорванная на клочки,
Шла на закате обмываться
Прохладой меркнущей реки.

Потом, раздвинув покрывала
Двух субтропических стихий,
Деревня мирно почивала
На белом лоне литаний.

Пока судачили трещотки —
Насельницы монастыря,
Лучом перебирала четки
За них вечерняя заря.

Здесь, брошенный в поселок сонный,
Казался пришлым и чужим
Мулат, ваятель прокаженный:
Виденьем страшным одержим,

Мир ссадин и кровоподтеков,
Мир осьминогов и акул
Он втискивал в черты пророков,
В нагроможденье жил и скул,

Кощунством непрощенной муки,
Безличным холодом судьбы
Сводил заломленные руки,
Насупливал крутые лбы.

27 марта 1970 г. («Заповедник»)

МЕТРОПОЛИС

Таких домов немало и карет
Отыщется в именьях подмосковных,
Но от забот и дел первоверховных
Здесь отдыхал ученый и поэт.

Закончился восьмой десяток лет,
Как нет его — годов пустых и ровных,
Зазывной лжи, писаний многословных
И болтовни, и выкриков газет.

На белые широкие ступени
Венчанные уже не выйдут тени
Под яркий цвет большого фонаря.

И улица — почти у стен дворцовых —
Как маскою, стыдясь хозяев новых,
Пятнадцатым прикрылась ноября.

5 ноября 1970 г.

НОВЫЙ ГОД В БРАЗИЛИИ

В новогоднее утро я встал почти на рассвете,
В напряженнейший час улова рыбы, когда
Оставались непойманными в Господни сети
Только узенький серп и голубенькая звезда.

Море тут, за домами. Раздвину окна пошире
И впущу не те просторы, не те леса.
Ведь моих — родных — не найти в обреченном мире,
На который, рыжея, ползмя-ползет полоса.

Я давно раздружился с Юпитером и Минервой,
И Венера поблекла. Но любит меня луна.
Чтобы с нею проститься, сегодня вскочил я первый,
Отмахнувшись от недоскандированного сна.

Мы последние трое еще не попали в невод,
Слишком мало прожив, недостаточно нашалив.
Оранжаден рассвет. Он и справа ползет, и слева —
Добежим ли до моря, уйдем ли в шальной прилив?

25 декабря 1970 г.

НОВЕНА

Огарок, подымив, погас,
Щербатые пропали стены.
Я помечтаю — в сотый раз —
О всемогуществе новены.

Ведь обещал же папа Пий,
Что сбудется одно желанье
За столько-то аве-марий,
За строгий пост и покаянье.

Поститься? Я себе не враг,
Но иногда в миру раздольном,
Как Сирано де Бержерак,
Пощусь постом недобровольным.

Я каюсь в том или другом
(В задоре, в недостатке вкуса),
Так, верно, мой заветный дом —
В сладчайшем сердце Иисуса.

Одно желанье... Жаль, не три,
Не дюжина, не восемь дюжин:
Так хорошенько присмотри,
Какой тебе подарок нужен?

И правда: что я изберу?
Виктролу? Парусные гонки?
Поездку по горам Перу,
А после — вниз по Амазонке?

Но каждый полдень паруса
Маячат в бухте Ботафого.
Для этого ли чудеса
Выпрашиваются у Бога?

Итак, я знаю, наяву
Белен увижу и Манаус,
И пампы, где, топча траву,
От барса убегает страус...

...Но за окном зловещий крюк,
И небо на кошму похоже.
Gieb meine Jugend mir zurück!
Верни мне молодость, о Боже!

11 февраля 1971 г.

ВОЗДУХ

Стихи рождались каждый час
Без осязаемых усилий,
Пока жила в груди у нас
Хоть капля воздуха России.

Не капельку, а целый мех
Мы вынесли на человека:
Хватило воздуха на всех,
На все края, на все полвека.

Осталось на один прием:
Исчерпан воздух забайкальский
И нынче я со словарем
Пишу стихи по-португальски.

21 апреля 1971 г. («Заповедник»)

БРАЗИЛЬСКАЯ ВЕСНА

Бразилия не знает весен:
спадет холодная волна,
и сразу зной — тягуч, несносен,
а по календарю — весна.

Таким уж вырос я уродом,
что в самой солнечной стране
припрятываю год за годом
мой сон о северной весне.

Ручьи... Но нет ручьев проворных
в моем тропическом саду:
я даже на вершинах горных
снежинок-смертниц не найду!

Поля — зеленые атласы
И бархат неба голубой...
Налью себе стакан «кашасы»
и, чокнувшись с самим собой,

я выпью, загадав желанье,
за неосуществимый год,
за старое правописанье,
подснежники и ледоход!

10 мая 1971 г. («Заповедник»)

ТРИ РОДИНЫ

Родился я у быстроводной
неукротимой Ангары
в июле, — месяц нехолодный,
но не запомнил я жары.

Со мной недолго дочь Байкала
резвилась, будто со щенком:
сначала грубо приласкала,
потом отбросила пинком.

И я, долгот не различая,
но зоркий к яркости обнов,
упал в страну шелков и чая,
и лотосов, и вееров.

Плененный речью односложной
(Не так ли ангелы в раю?..)
любовью полюбил несложной
вторую родину мою.

Казалось бы, судьба простая:
то упоенье, то беда,
но был я прогнан из Китая,
как из России — навсегда.

Изгой, но больше не забитый,
я отдаю остаток дней
Бразилии незнаменитой,
последней родине моей.

Здесь воздух густ, почти телесен,
и в нем, врастая в колдовство,
замрут обрывки давних песен,
не значащие ничего.

27 сентября 1971 г. («С горы Нево»)

В БОТАНИЧЕСКОМ САДУ

Ползущую через тропинку
Улитку нежно я люблю
И худосочную травинку,
И травяную тлю.

Я весело любуюсь парком,
Прижавшимся к большой горе,
В еще не злом, еще не жарком
Бразильском ноябре.

Любуюсь — и звенят в копилке
Накопленные медяки:
Хитрейшие у листьев жилки,
Мясистые жуки.

Всё тот же соглядатай ранний,
Который раз бродя в саду,
Предчувствие воспоминаний
Я исподволь краду.

8 ноября 1971 г.

СМЕРТЬ ОРХИДЕИ

Капитану первого ранга
Алваро Паин Фильо

В день переходный и двуличный,
застенчиво суливший зной, —
поджарый, аристократичный,
слепящий яркой белизной,
бразильский капитан нерезким
звонком звонился у дверей:
пришел он с маленьким, но веским
подарком к матери моей.

Три дня томилась орхидея
В прозрачной кружке на столе:
грустила, тая, холодея,
об ускользающем тепле.
А нынче пленницу лесную
я, почитатель красоты,
сложил в могилу травяную
под низкорослые кусты:
земля, так пылью будь земною,
летай, носима ветерком,
и стань такою же весною
таким же царственным цветком!

21 декабря 1971 г.

РАЗЛАД

Давно не споришь ты с судьбою,
и бормотания твои —
на «ты» — разлад с самим собою
взамен несозданной семьи.

Ворчишь: — «Уже в последней фазе
жизнь обреченная твоя,
как орхидея, в узкой вазе
агонизирующая.

Так пей за девушек хороших,
за ласковые имена
(еще вчера, в смешных галошах,
под зонтиком, прошла одна).

Какие там великолепья,
а все-таки «кашасу» пей,
чтоб не пришлось отдать отрепья
за вереск и полынь степей».

29 декабря 1971 г. («С горы Нево»)

БРАЗИЛИЯ

Дожди скуповатые
становятся летними,
а травни лохматые
пахучими цветнями.

Звана запевалами —
пичужками малыми,
вся разноголосица
ворвется — не спросится.

Бразилия звонкая,
свирель первозданная,
жалейка ты тонкая,
возня барабанная.

Дай Бог тебе здравия,
страна моя Травия,
на тысячелетия,
земля моя Цветия!

7 января 1972 г. («Заповедник»)

* * *

Кто сказал — от большого ума —
что тюрьма непременно тесна,
что село, что Москва — не тюрьма,
что тюрьма — не уезд, не страна?

Кто сказал, что планета — не дом,
что чужбина — иной материк,
что не может родным языком
зазвучать португальский язык?

8 апреля 1972 г.

НЕ ПАМЯТНИК

Не памятник себе — темницу я построил,
в которой жизнь моя загублена в плену,
и русской Музе я размаха не удвоил,
хотя любил ее — любил ее одну.

Ей дела не было до жестов краснобая,
до рифм изысканных и взвешенных слогов,
до скучной тихости буддийского Китая,
до мутно-желтых рек и вязких берегов.

Напрасно, в сумерки годов пятидесятых,
ее в Бразилию обманом я завлек:
ведь, даже в просеках, среди холмов покатых,
рябины чахлый куст обиженно поблек.

И спутница моя мне отомстить готова:
на север убежит и над Москва-рекой
не скажет обо мне сочувственного слова
ни в перечне имен, ни в сноске под строкой.

16 апреля 1972 г.

ЕМШАН

Сохранены для пришлеца чужого
Все почести и место впереди,
А свой, родной, — смиренно подожди
На паперти собора брусяного.

«Бразилия, Россия» — и готово
Словесное плетение в груди:
Звени, латынь, и раньше проходи
Кириллицей придавленного слова!

Войдет она в распахнутую дверь,
Но, крадучись, и летопись потерь
Протиснется, печаль и ностальгия,

И пахнущий младенчеством емшан,
И в памяти подымется: «Россия,
Бразилия» — и замолчит орган.

21 мая 1972 г. («С горы Нево»)

* * *

Трепет латинского паруса,
полыханье мальтийского знака, —
нахожу у Тито де Барроса
и у Олаво Билака,

Влажные джунгли Бразилии,
орхидейную теплую прелесть
отыскиваю у Сесилии —
у несравненной Мейрелес.

Мне служит взамен рифмология
португальский словарик тщедушный,
но строки смыкаются строгие
крепленьем рифмы послушной.

«Lirio» — колокол лилии,
а «delirio» — бред ностальгии:
забрало и бронза — Бразилии,
последний выдох — России.

28 июля 1972 г.

ПИСЬМО В РОССИЮ

Различные широты нам даны,
Разогнанным по маленьким вселенным:
Здесь томный зной висит над морем пенным,
Там — мерзлота полярной стороны.

Здесь — карнавал и радужные сны,
Там — выкрики о вызове военном:
Не кажется и солнце неизменным,
И рознятся две чуждые луны.

Но, вопреки несовместимой были,
Мы издали друг друга полюбили:
Ты позовешь — я тотчас отзовусь.

Так ветхие преграды уничтожим:
Несходные Бразилию и Русь
В единый мир нерасторжимо сложим!

19 августа 1972 г. («С горы Нево»)

ПО ГЛОБУСУ

По глобусу я странствовать люблю:
Вот выплыву на белой каравелле,
Вот обойду форты и цитадели,
Вот подойду к московскому кремлю.

Но эту страсть я и с тобой делю:
Хотел бы ты на дальней параллели
Свои мечты — пока еще не цели —
Препоручить колесам и рулю.

Зови меня, и я тебе отвечу:
Я вылечу, ты вылетишь навстречу
К экватору, к полудню и ко мне,

И встретимся среди морской стихии
В географу не ведомой стране —
На острове Розилии-Брассии.

1 сентября 1972 г. («С горы Нево»)

МИХАИЛУ СЕРГЕЕВИЧУ РОКОТОВУ

Я был обласкан в «Рубеже»,
редактору стихами нравясь,
Как будто, видя только завязь,
он плод угадывал уже.

Да, сорок лет — не день один,
и тот Китай теперь не близко,
и чуждый город Сан-Франциско —
не то, что русский наш Харбин.

А я — в Бразилии моей,
но, глядя на былые вехи,
о каждом маленьком успехе
редактору пишу скорей.

Ведь, если б не его тепло
в начале поприща поэта,
быть может, странствованье это
совсем иначе бы пошло!

6 сентября 1972 г.

СОТЫЙ

Укрыт от бурь Великою Стеной,
Любил я ночь и запах пыльных полок,
А в памяти, младенчества осколок,
Синел Байкал, плеща голубизной.

Там вырос я, всегда полубольной,
Посредственный, поверхностный синолог,
Но с юных лет чахотки едкий щелок
Снедал меня, особенно весной.

Бразилия зелено-золотая,
Меня сманив за море из Китая,
Не вознесла, но это не в укор:

Здесь принял я державный сан Поэта,
И здесь, крутой судьбе напереспор,
Мы дожили до сотого сонета!

17 октября 1972 г. («С горы Нево»)

ГЛАЗА

Глаза косых, согласно поговорке,
На Арзамас глядят — и на Кавказ.
Мне все равно: ведь пагубны для нас
Лишь те глаза, что холодны и зорки.

От них тотчас распустятся оборки,
Новешенький рассыплется атлас,
Завоет пес. Придаст недобрый глаз
Крыжовнику противный вкус касторки.

Чтоб отвести вернее глаз дурной,
Я — с крестиком на ниточке одной —
Повесил в ряд хрустальный кукиш — «фигу»:

На, выкуси! Вот мой тебе ответ
На умысел, на подлую интригу!
...А против глаз чистейших средства нет.

17 октября 1972 г.

БЛУДНЫЙ СЫН

Не всем дано бродить по ковылю
Близ мельницы и на пологом спуске
Прохожего приветствовать по-русски:
Об этом я и Бога не молю.

Я за морем — и все же не делю
С бразильцами невидимой нагрузки:
Пусть милы им «кашаса» и закуски, —
От русского я хмеля во хмелю.

За столько лет с одной короткой встречи
Я не забыл самодержавной речи
И — от родных отбившийся поэт,

От правнуков любимейших поэтов —
Хочу прожить еще полсотни лет
И каждый год писать по сто сонетов!

29 декабря 1972 г. («С горы Нево»)

КАРНАВАЛ

В Исландии глядел бы я, печален,
На гейзеры, на мох, на мерзлоту,
Но, кажется, любя зеленоту,
В Австралии не стал бы обавстрален.

Не надушен и редко накрахмален,
Я не богат, но улиц не мету
И не хочу людскую прямоту
Для сумрачных беречь исповедален.

За теплоту, веселье, доброту
И белизну люблю, и черноту:
Им дороги не Рузвельт и не Сталин,

А карнавал, где вертится в поту
Красавица: наряд ее засален,
Но с губ летят пионы наверту!

8 марта 1973 г.

НЕОБЫЧАЙНЫЙ ДЕНЬ

Это день совсем необычайный:
вместо моря — снежные поля,
а над ними исповедной тайной
синева и клики журавля.

Не цемент, а хилые перильца —
ну, совсем Иркутск или Ирбит,
И Россия голосом бразильца
«Добрый день!» по-русски говорит.

Пожелает ли дышать мятежник
воздухом Америк и Европ,
если увернувшийся подснежник
весело наступит на сугроб?

Сможет ли изгой неблагодарный
проклинать, тоски не утоля?
...Невозможный день некалендарный
я зову тридцатым февраля.

27 марта 1973 г.

В БРАЗИЛИИ

Сменился март задумчивым апрелем,
А под окном уж несколько недель
Полемику бразильский Ариэль
Ведет с другим — заморским Ариэлем.

Столкуйтесь же! Мы комнату разделим:
Стол письменный, пустую колыбель
(Племянницы), и каждому постель,
Хоть на полу, но как-нибудь постелим.

Черноволос один и белолиц,
И молнии летят из-под ресниц,
И речь его — как зовы арапонги.

Зато другой обоих нас корит
За смутные назальные трифтонги
И попросту — по-русски — говорит.

30 мая 1973 г. («Ариэль»)

ПЕРВОЕ ИЛИ ТРИНАДЦАТОЕ?

Не слушая трусливых голосов,
О гибели короны не скорбела
Бразильская принцесса Изабелла
И сделала свободными рабов.

А на Руси лукавый хитрослов
Смущал умы посулом передела
И созывал для мстительного дела
Изменников, грабителей, воров.

Не милостью, не даром сердобольным —
Страна трудом кичится подневольным,
Своим кнутом и окриком горда.

А я, удел бразильца принимая,
Священный день свободного труда
Отпраздную тринадцатого мая!

24 июня 1973 г. («С горы Нево»)

В НАЧАЛЕ ЗАПОЯ

То ссорюсь, то пьянствую —
замашки изгоя:
по глобусу странствую
в начале запоя.

Верни мне, Бразилия,
природное право
взбегать без усилия
наверх и направо!

А там — гололедица,
оскомина святок,
и в небе — Медведица
пасет медвежаток.

5 сентября 1973 г. («С горы Нево»)

ЖРЕБИЙ

Стоял бы я в России над Невой
И выбрал бы одну из перекладин:
Ведь я и там, бездомен и бесчаден,
В игру живых играл бы, неживой.

А здесь бреду по серой мостовой,
Но жребий мой высок и тем отраден,
Что, вопреки повизгиванью ссадин,
Бразилия, я сын приемный твой!

Твоя ль вина, что пришлецам усталым
Нельзя помочь разгульным карнавалом,
Когда твои природные сыны

Идут стеной, отшлепывая самбы,
А я смотрю на них со стороны
И слышу снег и пушкинские ямбы?

21 января 1974 г. («С горы Нево»)

ПРИГЛАШЕНИЕ В РАЙ

Возненавидь холодную Москву:
Она сера, от серости сурова.
Слух напряги для ласкового зова:
Ведь я тебя в Бразилию зову!

Я зелень дам тебе и синеву
С прожилками свеченья золотого,
И с корабля увидишь ты морского
Свой детский сон, расцветший наяву.

А брак — не грех, но крупный недостаток,
И ты смотреть не должен на мулаток,
Заговорить не смея ни с одной.

Коль невтерпеж — тихонечко присвистни
И отвернись, и крепче зубы стисни:
Ведь ты в раю и, значит, неземной!

8 мая 1974 г. («Ариэль»)

В РИО ДЕ ЖАНЕЙРО

Белеет статуя Христа,
но дружно плещутся в бассейнах
и белизна, и чернота,
и косяки детей кофейных.

Уже давно пора постичь
урок разъездов и гостиниц,
что кариока — не москвич,
а капишаба — не читинец.

И мы впитали соль морей
и солнцем ласковым прогрелись,
и отдаются нам щедрей
стихи Сесилии Мейрелес.

Еще мы любим дальних дев
и помним пушкинские ямбы,
а ноги, будто обалдев,
уже выплясывают самбы.

Еще в крови... Но изживу
неблаговидную затею
(Россию, Петроград, Москву) —
и до конца помулатею!

11 июня 1974 г.

ОСТРОВ ПАКЕТА

Прищурившись, на райские места
Мы с корабля глядим через перила:
В полуденном дыму хризоберила
Еще милей мой остров Пакета!

Здесь, обменяв дифтонги на цвета,
Бразилия со мной заговорила, —
Так, может быть, и для отца Кирилла
Улыбками заблещет красота?

Не торопясь, без грохота и тряски,
Здесь движутся по улицам коляски:
В любой из них удобно будет нам.

И, не успев за годы измениться,
Опять зовет коней по именам
Себастиан, приветливый возница!

23 июля 1976 г.

СЕАРИЙЦУ

Сумел бы я по звездам и по датам
Установить, вернувшись к ворожбе,
Не стану ли в земной твоей судьбе
Наставником, сообщником и братом.

Но данных нет. По пальцам грубоватым
Узнаю ли всю правду о тебе,
По желтизне и острой худобе —
О бедности, о домике дощатом?

И все-таки я странствую с утра
По атласу — по штату Сеара
Вглубь и на юг от синего обреза,

По точечкам причудливых имен:
Аракати, Барбалья, Форталеза...
В одной из них Висенте был рожден.

31 марта 1977 г.

НЕ ЭЛЕГИЯ

Осыпаются листья в саду незаметней:
С обнажившихся веток под ветром опало
Столько сини седой, что допросишься мало
От осенней акации с памятью летней.

Тоже был ты подсажен дрожжами зачатий
В облака и к зениту, к медвежьим берлогам,
А потом проскользил по зарничным дорогам
К самой зоркой пещере, к семерке печатей.

Помнишь, ты обходил Элогимов сторонкой,
Но не смел забывать о державном надзоре
И, восходы любя на земле и на море,
Развлекался закатами, спешкой и гонкой?

Здесь, на юге, зима переряжена летом,
А в апреле куражится ветер осенний,
И находятся саваны для погребений,
И на листьях дурачатся тени со светом.

Но, совсем как на севере, листья желтеют,
Осыпаются, падают в серую слякоть,
А тебе нипочем, — и не хочется плакать,
Как, старея, изгнанники плакать умеют.

29 мая 1977 г.

РОСТОВЩИК

Уже давно в бразильском далеке
Я стал твоей крылатой колесницей,
Чтоб ты летал и мне воздал сторицей
В бессмертии, на райском островке.

Пока жива Россия в языке,
Лелеемом любовно за границей,
Витай и ты над каждою страницей,
Плоть обретай в любой моей строке,

Чтоб наросли проценты на проценты
На статуи, на лавры и на ленты,
На вымыслы. А ты живи пока —

Пей, веселись, подруг случайных тискай
И забывай чердак ростовщика,
Не спящего над роковой распиской!

13 сентября 1977 г.

К РАЗРЫВУ

Пауло Жозе Алвесу

Ты указал вблизи Холма Вдовы
Через окно на ржавые ворота:
— «Здесь учится шитью моя garota,
Старается, заметывая швы!»

Я подтвердил наклоном головы,
Что, дескать, ей не повредит работа
До вечера и до седьмого пота,
Да и тебе к лицу она, увы!

Привык бы я к ненужному придатку:
Ощупывай, целуй свою мулатку,
Ей расплетай аляповатый бант.

Ведь нет большой беды в измятой ленте,
Но не прощу того, что сам ты crente,
На библии помешанный сектант!

Холм Вдовы (Morro da Viuva) — возвышенность между побережьями Фламенго и Ботафого в Рио де Жанейро. Garota — девочка. Crente («верующий») — псевдоним бразильских сектантов.

7 января 1978 г.

РЕБЕНОК НАЗВАН В МОЮ ЧЕСТЬ

Жоржу дос Сантос Лире

На родине приправой к былям пресным
Я сделался, читаемый тайком,
В Маньчжурии остался чужаком,
В Бразилии зачах бы неизвестным,

Но в домике, по-деревенски тесном,
В толпу родных (с полудня под хмельком)
Мое метнул ты имя шепотком,
Чтоб не шуметь над мальчиком прелестным.

Люби его. Стихи ему читай
Про дальнюю Россию и Китай,
И обо мне скажи, любимый дядя,

Когда придет пора давать ответ
Валерию, — в глаза ему не глядя —
Что, дескать, «был у нас такой поэт».

17 января 1978 г.

РЕСИФЕ НОЧЬЮ
(из Жоакина Кардозо)

Мои шаги настороженно-гулки:
Тревожатся, сползая на мосты,
Пособники воров и темноты,
Горбатые, кривые переулки.

По сторонам — особняки-шкатулки!
Задвинуты чугунные болты,
Запрятаны за прочные щиты
Вино и хлеб (заманчивые булки).

Ночь никого не выдаст, но и я
Не духовник, не сыщик, не судья
И не свояк поборникам закона,

И за меня до утренней зари
(Я выхожу на пристань Аполлона)
Пусть молятся цепочкой фонари!

12 ноября 1978 г.

МИТЕ

I.

Зевс — Ганимед? Но без нарядных басен
Тебя моряк бывалый укротит
И робкою уверткой: «Мне претит!» —
Пренебрежет: пыл похоти прекрасен!

Застонешь ты: — «Пусти, я не согласен!»,
Но поцелуй обиду подсластит,
А поздний гнев («Бессовестный бандит!»)
Насильнику нисколько не опасен.

Далекий друг, живи и проживи
Не для такой пародии любви,
Где волку рай, ягненку только муки.

А я приду к тебе издалека
Во сне, в стихах: просительные руки
Напомнят ли о граблях мужика?

II.

Напомнят ли о граблях мужика
Покатые разбеги побережий
И шелесты вечерней пены свежей
По россыпям нагретого песка?

Милее всех — улыбчива, мягка —
Бразилия из русских зарубежий:
Мы не знатны, но в угол наш медвежий
Волшебные заходят облака!

Здесь так тепло. У ласковой природы
Учусь и я — сквозь мелкие невзгоды —
Сиять лучом в ответ ее лучам.

Далекие, теперь и вы примите
И к лепельцам любовь, и к москвичам
(Особенно к Евгению и Мите).

31 декабря 1978 г.

В БОЛЬНИЦЕ

До февраля дотянет он едва ли:
Есть пролежни на ляжках и спине
(Здесь не курить, — сестра шепнула мне,
А Лермонтов сказал бы: «в гошпитале»).

Приемный день. Мы славно поболтали
В предписанной властями тишине:
Он говорил о будущей жене,
Которую нашел на карнавале.

— «Да где ж она?» — «Ей не хватает слез
Оплакивать со мной туберкулез,
Запущенный, по слову диагноста,

Но я ее за это не сужу». —
И он запел — по-юношески просто —
«Почтенную я знаю госпожу».

В последней строке упоминаю известную карнавальную песенку «Conheço uma dona Que se diz society».

9 апреля 1979 г.

ПУСТОЙ ВЕЧЕР

День исподволь становится вчерашним,
Хотя набор надломленных лучей
Сквозь облако вонзается в ручей,
Примывшийся к уже померкшим башням.

Считаю дни не по мышиным шашням
И проискам беззубых палачей:
Жизнь вяжется из четких мелочей,
Но не до них прозаикам домашним.

Да здравствуют пустые вечера:
Рассеянных улыбок веера,
Мерцанье глаз красивого соседа,

Хотя и там любовь моя не в счет:
Сонетами дополнится беседа,
А он стихов по-русски не прочтет!

21 июня 1979 г.

24-ОЕ ИЮЛЯ 1979 ГОДА

Прихода Раннита я ждать уже не смел:
Закончился Конгресс писателей в отеле,
Где на террасе мы недолго посидели —
И только раз ко мне заехать он успел.

Я свой безрадостный оплакивал удел:
Давно участники взвились и улетели,
А только что, живой и не в астральном теле,
Поэт Эстонии обратно прилетел!

Течет его рассказ о старом Ouro Preto,
О церкви, «пляшущей» на возвышеньи где-то,
И вдруг его перо, забытое в руке,

Взвивается стрелой из вычурного лука
И опускается — и пишет на клочке:
«Барокко. Грация. Бразилия. Разлука».

24 июля 1979 г.

В КОНГОНЬЯС ДО КАМПО

Тут, на холме, ликуют Вифлеем
И Назарет. Тут Ветхому Завету
Пришел конец: его проклятьям всем
И каждому подхлесту и запрету.

Мир из низин взобрался высоко,
Измученный, истерзанный жестоко:
Путь завершен у церкви рококо
Топорными пророками барокко.

Она поет и пляшет на горе
И приседать не прочь на каждой фразе,
Вся в золоте, в лазури, в серебре,
А не в слезах, не в язвах, не в проказе.

А ведь ее построил на заказ
Тому назад без малого два века
Антонио Лисбоа — и для нас,
Для любящих, он — «Маленький Калека».

Обкусанной, обглоданной рукой
Он укротил негодованья пламень,
Он претворил отчаянье в покой,
Геенну в рай, и в бронзу — мыльный камень!

20 августа 1979 г.

МЕТКА АЛЕЙЖАДИНЬО

Была к нему внимательна судьба:
Дар, и другой — но с выдержкой, не сразу,
И, наконец, он принял и проказу:
Что нищета пред ней, что худоба?

Но расцвели ваянье и резьба,
Когда пришли к нему не по приказу,
Способствовать рукам его и глазу
Помощники: два беглые раба.

И в тех троих полуживой калека
Простил судьбу за братство человека,
Благословил, запомнил на века,

И все его позднейшие работы
Отмечены рисунком с уголка —
Три анг~~ла~~ла под слоем позолоты!

1 января 1980 г.

НА ФЕРМЕ У РИО ДОСЕ

Для ящериц — мясистые жуки,
Одетые в пыльцу ночные моли,
А махаон (полпяди или боле):
Схватить его? Пожалуй, не с руки!

В час утренний, под ветерком с реки,
Спешу в «куррал» отнюдь не поневоле:
Там юноше, безвестному дотоле,
Покорствуют коровы и быки.

В «градском шуму» молчавший по неделям,
Превесело болтаю с Даниэлем,
Дразню его, двусмысленно шучу —

И лишь о том, что стал бы я без боя
Добычею прекрасного ковбоя,
Сквозь присказки оглядчиво молчу.

9 марта 1981 г

В БРАЗИЛИИ

Здесь каждый пришлец желанен:
Мне новый мир засверкал,
И я, былой иркутянин,
Свой разлюбил Байкал.

Я исподволь стал мулатом
(Морская соль и припек):
Становится смугловатым
Оттенок бледных щек.

Еще бы! Столько улыбок,
На каждом крыльце друзья.
Стихи пишу без ошибок
По-португальски я.

Но дело не только в этом:
Путь в солнечную страну
Открыл я русским поэтам —
Себе и Кузмину.

А где-то была Россия —
Двойные рамы, снега,
Зимой морозы такие,
Что ежится тайга.

Здесь ласка, а там проклятья,
Но близится жизнь к концу:
Пора возвратиться, братья,
К недоброму отцу.

И на предпоследнем спуске —
В операционный зал
Обидно, что я по-русски
Всего не досказал.

21 июля 1981 г.

ГРАЖДАНИН МИРА?

Шекспир, Кориель — конечно же, велики:
Кочевник, их я прячу в сундуки,
Где финский нож, норвежские коньки
И — заодно — полинезийский Тики.

Я не один. Мы все неоднолики
И впопыхах мешаем языки,
Когда ворчим — и в приступе тоски
Болят виски и хочется брусники.

Но плена нет, ни вавилонских рек:
Я в Сузах перс, а в Фермопилах грек
И не зубрю глаголиц и кириллиц.

Я в Лондоне — один из англичан,
А в Гернинге — датчайший из датчан,
В Стокгольме швед, но и в Москве — бразилец!

4 января 1983 г.

В ПРЕДДВЕРЬИ

Сплю, как полагается: днем устаю
От праздности больше, но также от книг.
Живу в богадельне, в поддельном раю,
А тихости райской еще не достиг.

В преддверьи судилища падаю ниц
Почти перед каждым красивым лицом.
Такие же сны истязают блудниц,
Отставших от промысла перед концом.

Привратник Анселмо — он, рослый силач,
В жару прохлаждается полунагим,
Садовник Жозе — молчаливый, хоть плачь,
А в лавке — курчавый юнец Ибрагим.

Молюсь и твержу, что готов. Но не весь:
Уйти от земли, не уйдя, я не смог,
И ноги, которые всё еще здесь,
Хромая, споткнутся о светлый порог.

19 августа 1983 г.

СНОВА ДЕМОКРАТИЯ!

Заученная стезя:
Посулы, проекты хартий,
Как будто и жить нельзя
Без политических партий!

18 октября 1985 г.

ЗА СЕМЬДЕСЯТ

За семьдесят. Казалось бы, упадок,
Над чувствами господство головы,
Дни без цветов, без троичной травы,
Лицом к лицу с кинжалами загадок.

А все-таки, предзимний вечер сладок,
И даже смерть (мы всё еще на «вы»)
Я подкуплю остатками халвы
И провожу за горный кряж, в распадок.

Ведь не одни на целый грешный мир
Валерий (я), Умберто и Валдир
Исчерпали долготерпенье Бога,

И хочет Он, бесстрастно-величав,
Увидеть нас у страшного порога —
Как водится, со старшего начав!

13 октября 1985 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Первое поэтическое влияние в моей жизни — третий том Блока с его метелями, снегами, белой смертью. Исцелил меня от этого увлечения редактор Страницы Юного Читателя газеты «Рупор», крупнейший поэт русского Дальнего Востока Арсений Несмелов, изменивший заглавие очередного метельного стихотворения на «Последняя вьюга». Я понял намек и по сей день благодарен Несмелову за это хирургическое вмешательство: влияние Блока окончилось — и навсегда.

Не помню, подражал ли я кому-либо в последние годы ранней юности — кажется, нет. Вступление в кружок «Чураева» в 1932 году (чуть позже, чем мои еще крайне незрелые стихи стали появляться на страницах взрослого «Рубежа») открыло мне поэзию Гумилева, у которого я нашел верный метод (пирамидальное построение каждого стихотворения), но ни на один час не подпал под чары провозглашеннего Гумилевым адамизма, который, кстати сказать, и у Гумилева остался чисто декларативным, поскольку поэт-воин и сам не отрицал своей преемственной связи с символизмом, в частности, символизмом Брюсова. Мои увлечения Ахматовой, Марией Шкапской (!) и Ладинским были весьма кратковременными.

Принадлежностью к школе Гумилева я гордился вплоть до конца шестидесятых годов, когда Юрий Иваск «толкнул» меня к подножию Мандельштама. В противовес почти насквозь рассудочному Гумилеву, от Мандельштама я научился устремлению к миру сверх-рассудочному или (чаще) подсознательному. Сквозь устойчивые слова стали просвечивать «подвалы» — такие сны, признаваться в которых рассудок не хочет, которые он с завидным постоянством очищает от темной наки-

пи и которым придает общепринятое добронравие, пусть даже мещанское.

«Голос темного дна» стал отчетливо слышимым сквозь стихи ностальгические, стихи изгойские, стихи о неприятии мира и бегство от него. Выявилась тема «левшинская»: осознание своей свободы от биологического «долга» — свободы благотворной поэтически, но в обычной жизни оборачивающейся болью и унижением. Я «с надеждою встречался с каждым», но эти «каждые» бежали от меня, как призраки. Такова глубинная первооснова большинства моих сонетов, написанных по-русски и по-португальски (сборник «В ветхих мехах» и еще не изданный «Охотник за тенями»).

Все три родины (унаследованная Россия, благоприобретенные Китай и Бразилия) — внутреннего голода не удовлетворили. Осталась неприкосновенной вера в Бога и Церковь, но и тут неизбежны были глубокие сомнения, бунтарство, отчаяние, горькое чувство богооставленности.

Таковы пружины и рычаги моего двигателя внутреннего сгорания, не исключающие поисков словесного мастерства. Не случайно моей любимой формой стал сонет: чем труднее, тем лучше! Сонет, венок сонетов («Крестный Путь», «Звено»), французская баллада — формы труднейшие и обеспечивающие успех, когда поэту есть что сказать.

Удовлетворение дает и переводческая работа: перевожу с английского, китайского, португальского, французского, латинского и испанского языков. Охотно работаю и над составлением поэтических антологий и всякого рода библиографических списков («Отраженная жизнь, мемуарное время», — как заметил Несмелов). С нетерпением жду обещанного к октябрю текущего 1986 года выхода моих воспоминаний с антологией русских поэтов Дальнего Востока в Лейдене, подготовленной к изданию книги «Три родины» и мечтаю об издании «Поэмы без предмета» в США.

Издание предлагаемой книги «Три родины» стало возможным благодаря участию выдающегося ценителя, знатока и собирателя русской зарубежной поэзии Ренэ Юлиановича Герра и его книгоиздательства «Альбатрос», уже выпустившего книги Величковского, Одоевцевой, Рафальского, Шаршуна, Андреенко и Мамонтова.

Заслуги Ренэ Юлиановича, природного француза, в совершенстве изучившего русский язык, огромны. Без его жертвенности многие поэты, которые никогда не могли бы издать свои стихи, многие одаренные писатели, которые никогда не приобрели бы читательского круга, теперь в полном смысле слова вошли в литературу. Пока существует русская литература в Зарубежье, — хочется верить — и в будущей свободной России имя Ренэ Юлиановича будет произноситься не только с благодарностью, но и с подлинным благоговением.

Спасибо ему!

Валерий Перелешин

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5
Рок 7
Лето 9
К Люсьену Летинуа 10
~~К суду людей от подземного мира ..... 11~~
Под шляпы — от света 12
Галлиполийцы 13
Стрекозы 15
Ars longa 17
Избрание 18
Элегия 19
Рассвет 20
Разговор 21
«Защита Лужина» 22
Наставление 23
Ночное 25
Прощание с музой 27
Ловец 28
Бессмертие 29
Над гробом 31
Призвание 32
Смерть поэта 33
Моя мечта 34
Утешение 35
Вторая скорбь 36
Молитва 37
Надежда 38
К Польше 39
Гомункул 41
Бессмертие 43
Счастье 45
Поездка в Дун-Лин 46
Предсказание 47
Расплата 48

Птицы 50
Страшный суд 51
Картина 52
Предел 54
Дикая яблоня 55
Учитель 56
Мой гороскоп 57
Возвращение 59
Жертва 60
Выбор 61
Пропасть 63
Утро 64
Ученику 66
Элегия 67
Китай 68
Иной путь 69
Небо 70
Алхимия 71
Бездна 73
Le mal invincible 74
Мрамор 76
На середине моста 77
Не грусти 78
Сердце 79
Хуцинь 80
Ветер 81
В Шаньхайгуане 82
Ностальгия 84
Весна 86
В полнолуние 87

ТРЕТЬЕЙ И ПОСЛЕДНЕЙ

Зной 91
Нам солнце заслоняют крыши 92
Корковадо 93
Песенка 94
Дом маркизы де Сантос 95
Quinta da Boa Vista 96
Pedra da Gavea 97
Карнавал 98
Три картины 99
Идиллия 101
Ветреная ночь 103
Сон 104
Имя 105
Алейжадиньо 106
Метрополис 108
Новый год в Бразилии 109
Новена 110
Воздух 112
Бразильская весна 113
Три родины 114
В ботаническом саду 116
Смерть орхидеи 117
Разлад 118
Бразилия 119
Кто сказал — от большого ума — 120
Не памятник 121
Емшан 122
Трепет латинского паруса 123
Письмо в Россию 124
По глобусу 125
Михаилу Сергеевичу Рокотову 126
Сотый 127
Глаза 128
Блудный сын 129

Карнавал 130
Необычайный день 131
В Бразилии 132
Первое или тринадцатое? 133
В начале запоя 134
Жребий 135
Приглашение в рай 136
В Рио де Жанейро 137
Остров Пакета 138
Сеарийцу 139
Не элегия 140
Ростовщик 141
К разрыву 142
Ребенок назван в мою честь 143
Ресифе ночью 144
Мите 145
В больнице 147
Пустой вечер 148
24-ое июля 1979 года 149
В Конгоньяс до Кампо 150
Метка Алейжадиньо 151
На ферме у рио Досе 152
В Бразилии 153
Гражданин мира? 155
В преддверьи 156
Снова демократия! 157
За семьдесят 158
Послесловие 159

Imprimerie de la Manutention à Mayenne — 26 août 1987 — N° 9991

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЬБАТРОС». ПАРИЖ:

Д.КЛЕНОВСКИЙ	Собрание стихов, I.	1980 г.
А.ВЕЛИЧКОВСКИЙ	Нерукотворный свет. Стихи	1981 г.
А.ДАВЫДОВ	Воспоминания	1982 г.
С.РАФАЛЬСКИЙ	За чертой. Стихи.	1983 г.
Е.ТАУБЕР	Верность. Стихи.	1984 г.
С.РАФАЛЬСКИЙ	Николин Бор. Проза.	1984 г.
Б.ЗАКОВИЧ	Дождь идет над Сеной.Стихи	1984 г.
С.МАМОНТОВ	Сказание. Проза.	1986 г.
Ю.ТЕРАПИАНО	Литературная жизнь русского Парижа. Очерки.	1987 г.
С.РАФАЛЬСКИЙ	Их памяти. Статьи.	1987 г.
В.ПЕРЕЛЕШИН	Три Родины. Стихи.	1987 г.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Д.КЛЕНОВСКИЙ	Собрание стихов. II.
А.НЕСМЕЛОВ	В затонувшей субмарине.
Т.ФЕСЕНКО	Двойное зрение. Стихи.

СБОРНИКИ СТИХОВ «РИФМЫ», ИЗДАННЫЕ Р.Ю.ГЕРРА:

А.ВЕЛИЧКОВСКИЙ	С бору по сосенке.	1974 г.
И.ОДОЕВЦЕВА	Златая цепь	1975 г.
А.ШИМАНСКАЯ	Антенны.	1976 г.
И.ОДОЕВЦЕВА	Портрет в рифмованной раме	1976 г.
А.ВЕЛИЧКОВСКИЙ	О постороннем.	1979 г.
В.ВЕЙДЛЕ	На память о себе.	1979 г.
Т.ВЕЛИЧКОВСКАЯ	Цветок и камень.	1981 г.

ДРУГИЕ КНИГИ, ИЗДАННЫЕ Р.Ю.ГЕРРА:

С.ШАРШУН	Без себя. Проза.	1972 г.
Е.ТАУБЕР	Нездешний дом. Стихи.	1973 г.
Д.КЛЕНОВСКИЙ	Последнее. Стихи.	1977 г.
М.АНДРЕЕНКО	Перекресток. Рассказы.	1979 г.
СТРАННИК	Переписка с Кленовским.	1981 г.

Editions René Guerra
Склад изданий: M.René Guerra
37, rue du Fort, 92130 Issy-les-Moulineaux, FRANCE.